

Д.В.Васильев, Т.Ю.Гречкина, Э.Д.Зиливинская

ГОРОДИЩЕ САМОСДЕЛКА – ПАМЯТНИК ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА В НИЗОВЬЯХ ВОЛГИ¹

Астраханская область богата памятниками археологии. Разведки выявили здесь большое количество неолитических стоянок, довольно плотно было заселено Нижнее Поволжье в эпоху бронзы, савроматское и сарматское время. В XIII-XIV вв. здесь находился центр Золотой Орды, государства, которое оказало огромное влияние на историю и культуру многих народов Восточной Европы. В то же время памятники раннего средневековья и непосредственно домонгольского периода до недавнего времени не были известны. В последнее десятилетие XX в. эта лакуна начала постепенно заполняться: были найдены и частично обследованы археологические памятники, которые с достаточной долей уверенности можно отнести к домонгольскому периоду. Открытие их позволяет по-новому взглянуть на культурно-историческое развитие Нижнего Поволжья в раннем и развитом средневековье. В частности, хорошо известный по письменным источникам факт, что этот регион являлся одним из центров Хазарского каганата, нашел, наконец, археологическое подтверждение. Одним из крупных памятников, относящихся к хазарскому времени, является городище Самосделка.

Самосдельское городище располагается в 43 км ниже Астрахани, в Дельте, на правом берегу р. Старая Волга или Бирюль (рис. 1). Главная часть городища находится на острове, вытянутом вдоль старого пересохшего русла Волги, который со всех сторон окружен высохшими протоками. Предполагаемой восточной границей городища является современное русло реки, северной и северо-западной – старое пересохшее русло Волги – ерик Воложка. Воложка заполняется водой лишь в годы высоких паводков и тянется с северо-востока на юго-запад. Ерик отходит от современного русла напротив села. На “мысу” между старым и новым руслами находится невысокая (до 3 м от поверхности воды) всхолмленная возвышенность, образованная напластованиями культурного слоя городища. Длина возвышенности, вытянутой вдоль старого русла Волги с северо-востока на юго-за-

пад – около 2 км, ширина – около 500-700 м. На поверхности возвышенности отмечена наиболее высокая концентрация подъемного материала. Граница распространения подъемного материала на юге – два глубоких пересохших ерика, отмечающих расположение старых протоков Волги. В северо-восточной части возвышенности находятся жилые и хозяйственные постройки Самосдельской животноводческой фермы № 3, а также до 1999 г. было устроено сенохранилище.

Городище располагается на землях, которые принадлежат современному селу Самосделка. Земли эти были приобретены Астраханским губернатором, генерал-поручиком Н.А.Бекетовым в 1769 г. 27 августа. В урочище между Биртюлью и Ново-станной на 1000 десятин удобной и неудобной земли он основал два села “Образцовую Вагагу” и “Образцовое”. Последнее было названо так потому, что в нем впервые были устроены приспособления для посола рыбы, и предполагалось превратить его в образцовое хозяйство. Села заселялись колодниками и штрафными людьми. Чуть позже, еще при губернаторстве Н.А.Бекетова, до 1773 г., поселение “Образцовое” было переименовано в село Самосделка (Государственный архив, ф.194, оп.1, д.3115, л.28).

В статистических отчетах кон. XIX в. Астраханской губернии появляется другое название с. Самосделка – Голодное. Такое название было дано ему в народе за тяжелые условия труда на рыбных промыслах, систематический голод, заразные болезни, уносившие большое количество рабочего люда (Государственный архив, ф.194, оп.1, д.1, л.15).

С 1927 г. и до настоящего времени Самосдельский сельсовет, образованный в 1920 г., входит в состав Камызякского района. Таким образом, никакой преемственности между современным поселением и памятником археологии IX-XV вв. – городищем Самосделка – не существует. Надо отметить тот факт, что о наличии на землях Самосделки археологического памятника было известно уже в кон. XIX в. В документах Астраханского губер-

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 02-06-80251.

ского статистического комитета за 1894-1898 гг. существует такое распоряжение губернатора, датированное 17 июля 1898 г.:

“Секретарю стат. Комитета Зубовичу.

Предлагаю Вам отправиться для исследования в археологическом отношении местности против села Самосделки по углу реки Старой Волги и Биртюль. Предстоит сделать описание этой местности, произвести в назначенных пунктах раскопки, составить опись найденным вещам, сдать их в Петровский музей на хранение и представить мне

отчет по поездке. На расходы по проезду, найму рабочих и покупке инструментов ассигнуется Вам сумма в количестве 50 рублей” (Государственный архив, ф.37, оп.1, д.34, л.78). Результаты этих исследований в архивах не сохранились и о городище, по всей видимости, скоро забыли.

По рассказам старожилос с.Самосделка, в 20-30 гг. XX в. на территории городища, там, где сейчас располагается раскоп, находились постройки колхозного рыбзавода и маяк. По р.Волжке рыбаки ходили в море на промысел. Наверное, от

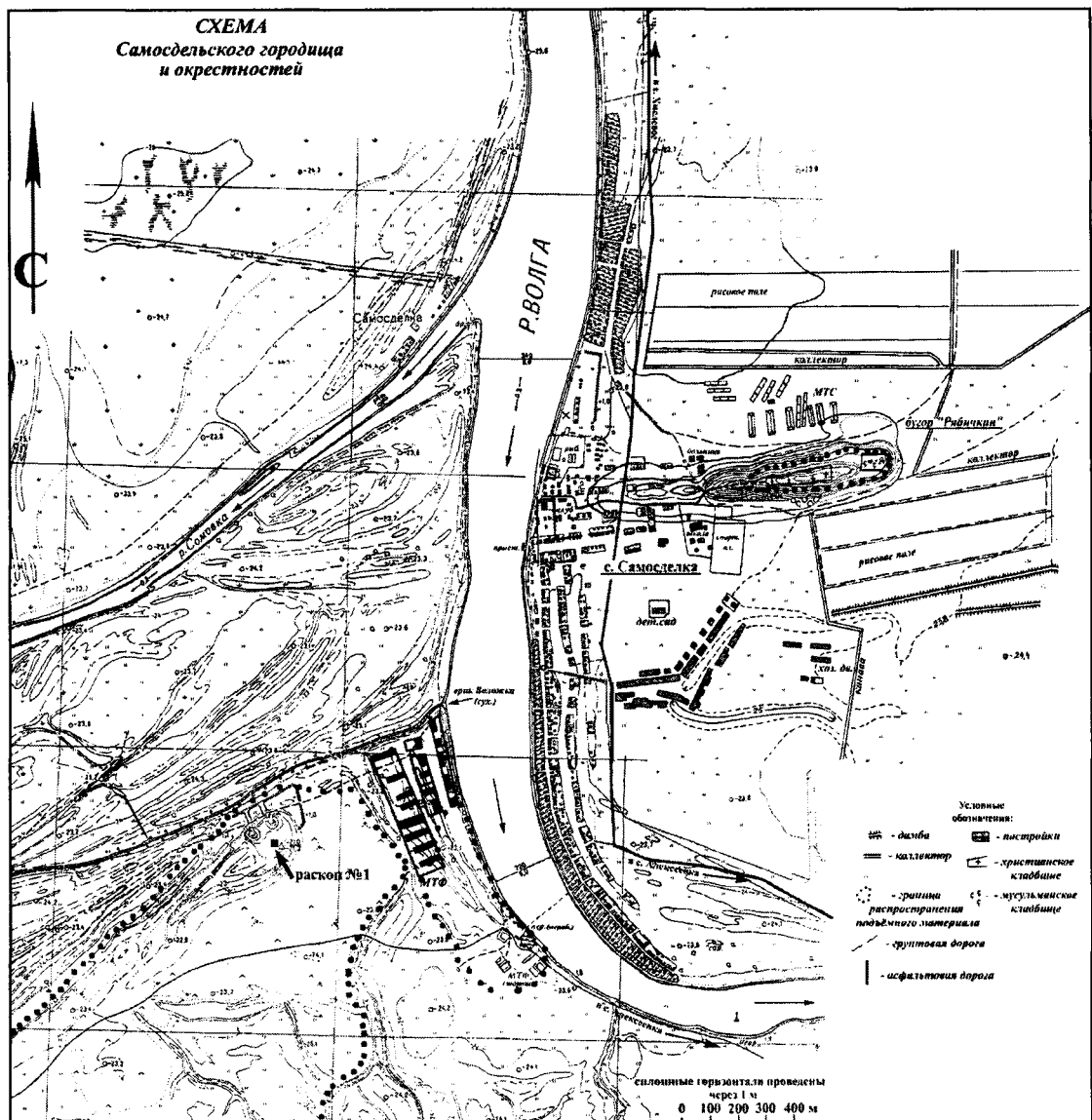

Рис. 1. План городища Самосделка.

Fig. 1. The layout of Samosdelka fortified ancient settlement.

Abb. 1. Lageplan des Samosdelka-Burgwalls.

Dess. 1. Plan du site de Samosdelka

причалов рыбзавода и сохранились на северном склоне возвышенности две глубоких ямы, видные на местности до сих пор и обозначенные на плане. С существованием в северной части городища рыбзавода и соляных складов можно связать и очень высокую степень засоленности почвы. Особенно это сказывается на керамике: после извлечения из влажной земли ее приходится очень долго отмачивать в чистой воде, чтобы вышла вся соль. Засоленность почвы также обусловила очень плохую сохранность железных, бронзовых и прочих металлических изделий.

Городище “Самосдельное” золотоордынское времени упоминается в книге В.Л.Егорова (Егоров В.Л., 1985, 118). Но настоящим “открытием” городища Самосделка можно считать 1989 г., когда учитель местной сельской школы А.А.Пухов принес в Госдирекцию охраны памятников истории и культуры обломки лепных и гончарных керамических сосудов и другие археологические артефакты, датировавшиеся IX-XIV вв. Именно значительная коллекция керамического материала, собранная на территории городища и относящаяся к периоду IX-X вв. позволила в свое время возбудить интерес к данному памятнику и сделать предположение о наличии на нем слоев хазарского времени (Васильев Д.В., 1998, с.48-50; Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., 2000, с.24-25).

В 1990 г. были произведены первые разведки на городище под руководством С.А.Котенькова. К этому времени, во 2-й пол.80 гг. XX в., в восточной части городища была сооружена животноводческая ферма. На запад от фермы были прорыты противопожарные траншеи и силосные ямы, которые нарушили культурный слой городища на значительной площади. Именно эти работы привели к выбросу на поверхность массового археологического материала. Концентрация основной массы находок отмечалась в непосредственной близости от фермы, поскольку она была окружена тремя рядами противопожарных траншей глубиной до 2 м и шириной около 3 метров. В отвалах траншей, а также силосных ям отмечались массовые выбросы на поверхность богатейшего подъемного материала из нарушенного культурного слоя – фрагментов керамики, костей животных и человека, изделий из стекла, кости, дерева, металлов. В бортах траншей четко читались обнажения культурных слоев городища, просматривались многочисленные фрагменты мощных стен и конструкций из обожженного кирпича, а также многочисленные хозяйственные ямы грушевидной формы, землянки и полуземлянки, кирпичные постройки из обожженного и сырцового кирпича разнооб-

разных форматов. В 1999 г. траншеи были полностью засыпаны Госдирекцией охраны историко-культурного наследия, но, к сожалению, на местности не было оставлено никаких ориентиров, поэтому их обнаружение может представлять некоторую трудность в ходе будущих исследований.

В северной и северо-восточной части городища со стороны древней береговой линии (отмеченной на местности изумрудно-зеленым травяным покровом, более ярким, чем на возвышенности) к возвышенности примыкает система дамб, высотой до 1 м, образующих три пересохших запруды правильной прямоугольной формы, тянущихся вдоль городища почти на 500 метров.

Кроме того, имеются значительные выходы культурного слоя в 900 м к югу от места разделения Воложки и Старой Волги, ниже по течению главного русла, где река на повороте подмывает береговой обрыв, в районе бывшей паромной переправы. Здесь массовыми находками являются фрагменты лепной керамики. К сожалению, эта часть городища расположена наиболее низко, и культурный слой залегает ниже современного уровня стояния воды или непосредственно на этом уровне. Площадь между основной частью городища и паромной переправой в настоящее время занята рисовыми полями, поэтому сказать что-либо о наличии там культурного слоя пока трудно. Скорее всего, городище тянулось вдоль по берегу Старой Волги от современной фермы до современной паромной переправы (около 1 км).

Как стало известно из рассказов местных жителей, еще в 50 гг. XX в., пока не была насыпана берегоукрепительная дамба от фермы до парома и пересыпаны наиболее глубокие ерики, местность южнее сенокранилища ежегодно заливалась водой в половодье, а в период низкого стояния воды оставалась заболоченной. До 20 и даже 30 гг. XX в. ерик Воложка еще оставался полноводным руслом и был судоходным. Следовательно, можно предположить, что основная часть городища располагалась в древности на острове посреди Волги, который отделялся протокой от восточной части городища в районе современной паромной переправы. Таким образом, правобережная половина городища состояла, как минимум, из двух частей – северной правобережной (главной, расположенной на островке) и южной правобережной (низинной). Снятый Д.В.Васильевым и Д.В.Кутуковым в 1994-1995 гг. топографический план городища наглядно показал расположение главной части городища на островке, окруженном пересохшими протоками.

В 1994 г. было выявлено наличие культурных напластований IX-XIV вв. и на левом берегу Ста-

рой Волги, на территории с.Самосделка, а именно – на бэровском бугре “Рябичкин”, где расположены современные мусульманское и христианское кладбища. Кроме того, находки золотоордынских монет и керамики известны и на территории села, поэтому территорию села и бугра “Рябичкин” можно считать левобережной частью городища, причем, на наш взгляд, эта часть городища наиболее молодая, относящаяся, преимущественно, к эпохе Золотой Орды. Общая площадь памятника, известная на данный момент, составляет около 2 км² (Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В., 2001, 156-157).

Проведившиеся в 1990-94 гг. рекогносцировочные работы на городище показали, что наиболее мощные культурные отложения, наблюдавшиеся в бортах вышеупомянутых траншей и силосных ям, имеют толщину около 2,5-3 м и располагаются в центральной части возвышенности около фермы (на древнем острове). С удалением от “центра” городища мощность культурного слоя уменьшается. На некоторых, как правило, слегка пониженных участках, культурные отложения перекрыты по поверхности мощным слоем окатанных водой обломков керамики, костей животных, обожженного кирпича, смешанных с большим количеством речной ракушки. По всей видимости, наличие этих отложений можно рассматривать как свидетельства долговременных периодов затопления городища.

Как следует из отчетов С.А.Котенькова за 1990-95 гг., из-за высокого уровня стояния грунтовых вод и частичной заболоченности территории памятника, основное внимание было сосредоточено на определении границ городища и сборе подъемного материала (Котеньков С.А., 1991; 1992; 1993; 1994; 1995; 1996). Но точные границы установить так и не удалось по тем же причинам. Предположительно площадь городища определена в 1035000 м² (103,5 га), (900x1150 м). Охранные мероприятия 1992 г., проводимые на памятнике, позволили выяснить степень разрушения центральной части городища в результате хозяйственной деятельности. Общая площадь, нарушенная траншеями и ямами, составляет около 8000 м².

Для выяснения стратиграфии культурных слоев городища в 1992 г. на С-3 борту первой с северной стороны силосной ямы был заложен небольшой раскоп размерами с севера на юг – 9 м и с запада на восток – 4 м (Котеньков С.А., 1993). В ходе раскопочных работ на нем были выявлены части полуразрушенных конструкций и сооружений из жженого кирпича, уходящие в борта раскопа. Из-за малой площади раскопа точное распределение обнаруженных ям и конструкций по стро-

ительным периодам было затруднительным, поэтому они были датированы только относительно друг друга. Ограниченные сроки работ и необходимость расширения площади раскопа не позволили довести раскоп до материка. Работы последующих лет мало что добавили к уже известному. По непонятным причинам раскопки 1992 г. так и не были продолжены. Экспедиции, организованные для продолжения исследования городища, ограничивались сбором подъемного материала для уточнения географических границ городища и работой по консервации культурного слоя – засыпке прорытых противопожарных траншей и силосных ям (Котеньков С.А., 1994; 1995; 1996).

В 1992 г. городище Самосделка посетили сотрудники Отдела охранных раскопок ИА РАН Е.И.Савченко и Д.С.Коробов. Ими были также проведены небольшие разведочные работы на этом памятнике (Савченко Е.И., 1993).

Спасательные работы по консервации культурного слоя городища тяжелой техникой, проведенные Госдирекцией по охране историко-культурного наследия Астраханской обл. в 1996-1999 гг., нарушили дерновый слой, в результате чего в настоящее время происходит интенсивное разрушение современной дневной поверхности. Тогда же, при засыпке противопожарных траншей и силосных ям вокруг сенохранилища фермы, располагавшегося на территории городища, бульдозерами была скрыта часть культурного слоя, и в настоящее время территория, прилегающая к поселку молочно-товарной фермы, представляет собой сплошной незадернованный участок с обнаженным культурным слоем. На поверхности земли повсюду встречаются в огромных количествах обломки кирпича, фрагменты керамики, костяные и металлические изделия. В ходе исследований 2000 г. была собрана богатая коллекция подъемного материала с разрушающейся территории городища. Положение с сохранностью культурного слоя в настоящее время обостряется тем, что молочно-товарная ферма с территории городища не была перенесена, а была лишь передана в частные руки. Имеющиеся обнажения культурного слоя еще сильнее вытаптываются скотом, что препятствует образованию дернового покрова. В настоящее время северная правобережная часть городища представляет собой возвышенность, поверхность которой имеет красный цвет от огромного количества мелких фрагментов керамики и кирпича, она даже получила у местного населения название “Красные пески”. Участки, избежавшие разрушения техникой, имеют травяной покров. Как уже отмечалось, культурный слой залегает в непосредственной бли-

зости от дневной поверхности, поэтому в отдельных местах на поверхности можно наблюдать кости человеческих скелетов из уже разрушенных погребений.

Исследования памятника в настоящее время

Новый этап исследования Самосдельского городища начался в 2000 г., когда Еврейским Университетом в Москве в рамках “Хазарского проек-

та” (координатор проекта И.А.Аржанцева) была организована археологическая экспедиция. В 2000 г. работы возглавила Т.Ю.Гречкина. В экспедиции принимали участие сотрудники астраханского ГНПУ “Наследие”, Астраханского краеведческого музея, Астраханского педуниверситета и Института археологии РАН. Раскопки велись в островной части городища – на самой высокой ее точке (высота от современного уреза воды – около 4 м). Раскоп был заложен с тем расчетом, чтобы продолжить и расширить раскоп 1992 г. В раскопе площа-

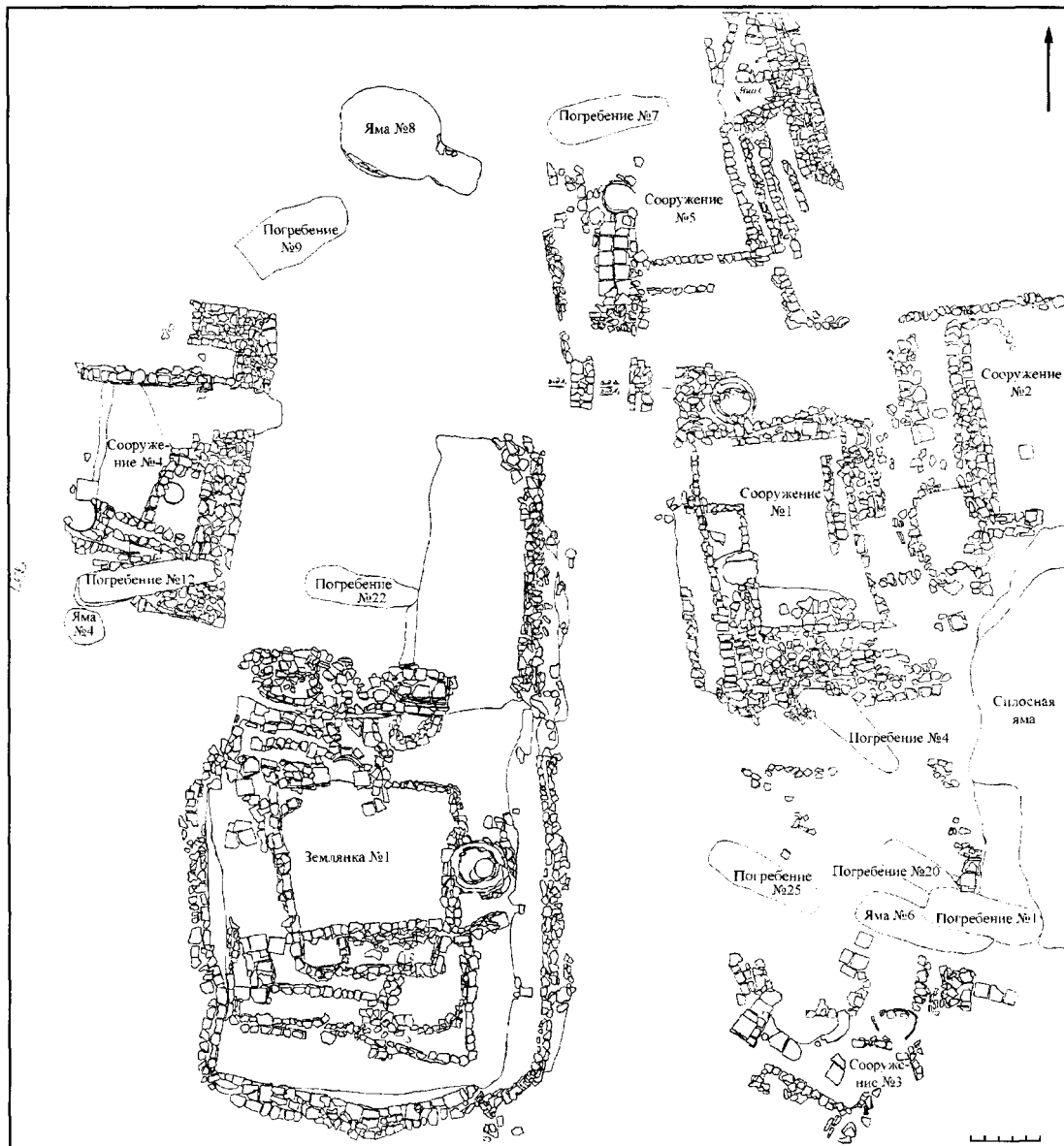

Рис. 2. Самосдельское городище, план раскопа № 1 на уровне III штыка (III период).

Fig. 2. Samosdelka fortified ancient settlement, the layout of dig-out № 1 at the III d spade's depth (the III d period).

Abb. 2. Samosdelka Burgwall, Lageplan der Grabung 1 in der Ebene des 3. Spatenstichs (3. Periode).

Dess. 2. Le site de Samosdelka, plan de la fouille № 1 au niveau de III pelle (III periode)

дью 100 м² были исследованы сооружения из обломков обожженного кирпича вторичного использования на глиняном растворе. Отапливались жилища тандырами и системами канов. Необходимо отметить чрезвычайную плотность застройки в островной части городища. Небольшие по площади жилища (землянки и полуземлянки) располагались очень тесно, котлованы жилищ прорезали более древние постройки. В результате первого сезона работ на этом раскопе не удалось выяснить не только количество строительных периодов, исследованных в раскопе, но и количество самих жилищ, так как все они оказались большей своей частью за пределами раскопа. По всей видимости, строители жилищ старались использовать максимально не только площадь, но и строительный материал: весь или почти весь кирпич, даже обломки, из стен сооружений предшествующих периодов использовался вторично. Этот факт тоже вносил определенную трудность в определение последовательности возникновения сооружений. Ситуация на раскопе была настолько сложной, что для прояснения ее нужно было расширить вскрываемую площадь.

Раскопками 2000 г. был вскрыт самый поздний, золотоордынский слой городища. Однако выбрав заполнение современной силосной ямы, попавшей в границы раскопа, удалось дойти до материкового слоя, который находится на глубине 320 см от современной поверхности и проследить характер находок из различных слоев. На уровне материка были обнаружены остатки сгоревшей турлучной хижины. Из того же слоя происходили обломки красноглиняных лепных сосудов огузского облика и болгарской красноглиняной гончарной посуды с вертикальным полосчатым лощением.

Раскопки были продолжены в 2001-2003 гг.* Раскоп 2000 г. расширен в настоящее время до 304 м². Это позволило полностью или почти полностью проследить планировку нескольких жилищ. Более четко стали выделяться и периоды существования данной части городища. Сейчас их известно более восьми, но не все комплексы полностью раскопаны и обработаны. К самому позднему (I по нашей нумерации периоду) относятся многочисленные погребения, впущены с уровня современной дневной поверхности и перерезающие жилые

постройки на раскопе. Всего таких погребений исследовано 27. Большая часть их совершена по мусульманскому обряду и не содержит инвентаря. Первоначально эти погребения были приняты нами за позднесредневековые. Однако в двух погребениях были обнаружены прекрасно сохранившиеся кожаные сапоги с многослойной подошвой и деревянными гвоздиками. Опрос населения показал, что на этом месте в 1-й трети XX в. находилось кладбище. Следующий (II) период связан с функционированием городища в золотоордынское время в нач. XIV в. Постройки, относящиеся к этому времени, сохранились на раскопе весьма фрагментарно. Это или отдельные, не связанные с чем-либо остатки стен, или фрагменты жилищ с горизонтальными дымоходами в виде канов, печами-тандырами и глинобитными лежанками-суфами. Стены жилищ сырцовые или из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. Условно эти постройки можно отнести к 1-й трети XIV в., так как монеты позже 30-40 гг. XIV в. в этой части городища не встречаются, а монеты, происходящие с I и II штыков раскопа, датируются 1310-1320 гг.

Наиболее хорошо сохранились постройки, относимые нами к III периоду существования (рис. 2, 18). Здесь было обнаружено несколько наземных жилищ и большая землянка. Три дома и землянка были обращены входами на небольшую площадку (примерно 4х6 м), то есть они образовывали своеобразный жилой комплекс.

У восточного борта раскопа находилось сооружение № 1, которое представляло собой прямоугольное в плане жилище (рис. 2). Стены его были сложены из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе, пол заглублен относительно дневной поверхности на 30-40 см. Внешние размеры сооружения составляют приблизительно 5,8х4,2 м.

Южная стена его была сильно разрушена и представляла собой развал в один-два слоя кирпичей. Западная стена имела ширину 65 см. Она имела панцирное строение: фасы ее были сложены из обломков кирпичей, обращенных торцевой частью наружу, а середина стены была забита глинистой массой. Нижний слой восточной обкладки стены находился на уровне верхней поверхности суфы, примыкающей к стене. Уровень нижнего пола на-

* Руководителями экспедиции являются Э.Д.Зиливинская (ИА РАН) и Т.Ю.Гречкина (ГНПУ "Наследие"), начальником раскопа - Д.В.Васильев (Астраханский университет). Обработкой керамического материала занимается сотрудник Государственного музея Востока С.Б.Болелов, нумизматических коллекций - сотрудник Института востоковедения РАН - Е.Ю.Гончаров. В экспедиции также работала группа почвоведов, сотрудников Института географии РАН в составе: М.А.Бронникова, Э.П.Зазовская, И.В.Турова.

ходится на 30-40 см ниже уровня дневной поверхности, то есть пол был заглублен, а западная стена поставлена на земляную ступеньку. Вход в помещение находился в западной стене примерно в 3,4 м от ЮЗ угла здания. Только в этой части помещения нет суфы, пристроенной к внешней стене, однако и в этом месте прослеживается кладка стены в три слоя кирпичей. Возможно, вход имел высокий

порог, который защищал от попадания влаги в заглубленное помещение, с шириной прохода в 90 см. К северу от него прослеживался сильно разрушенный участок западной стены. Северная стена сооружения также была почти полностью разобрана. Вероятно, она имела такое же строение, как и западная стена. Сохранилась южная обкладка ее из обломков обожженных кирпичей, направлен-

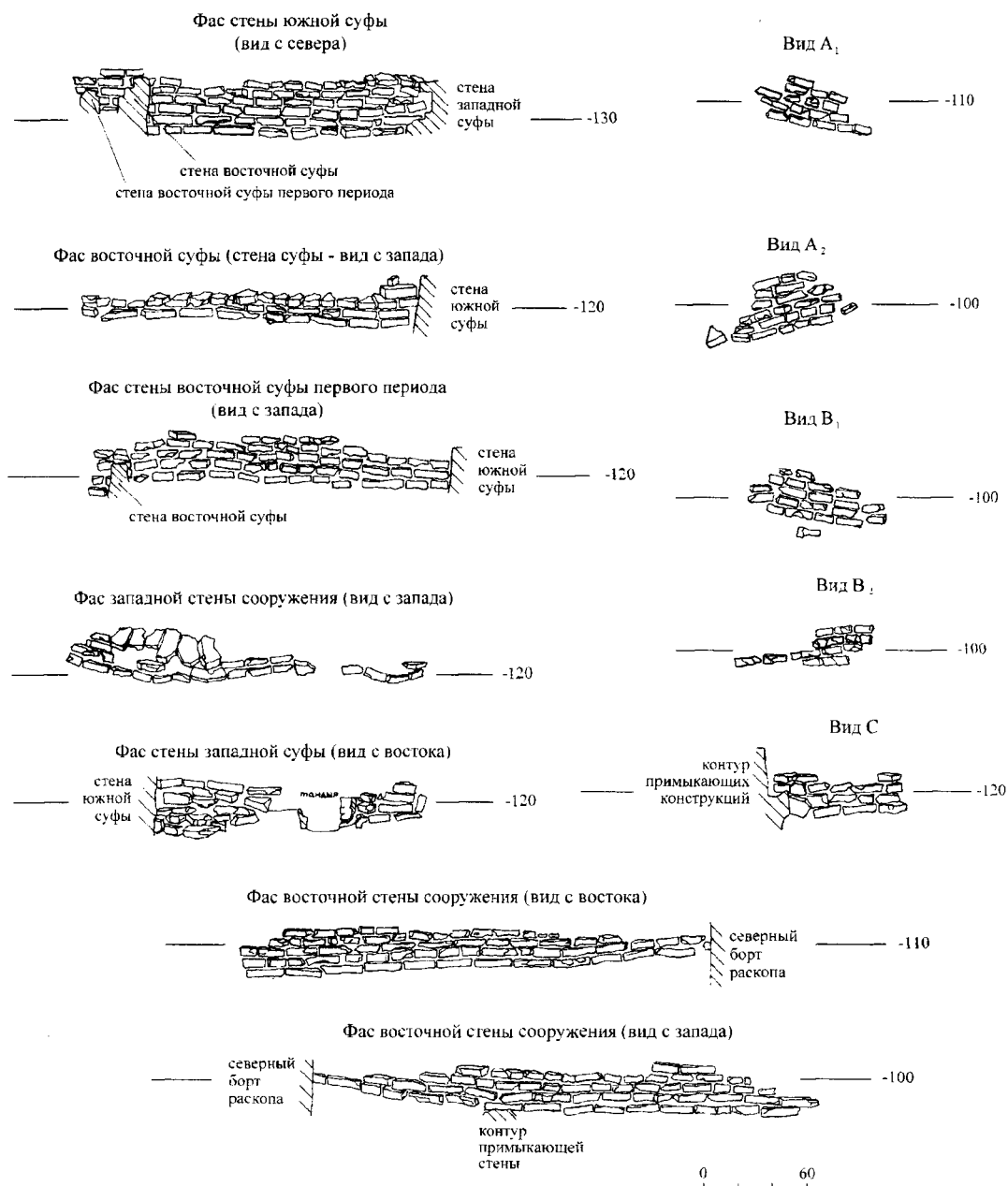

Рис. 3. Фасы элементов конструкций сооружения № 5.

Fig. 3. The fronts of the construction elements of structure 5.

Abb. 3. Frontseite der Teile vom Bauwerk 5.

Dess. 3. Les faces des éléments de la construction № 5

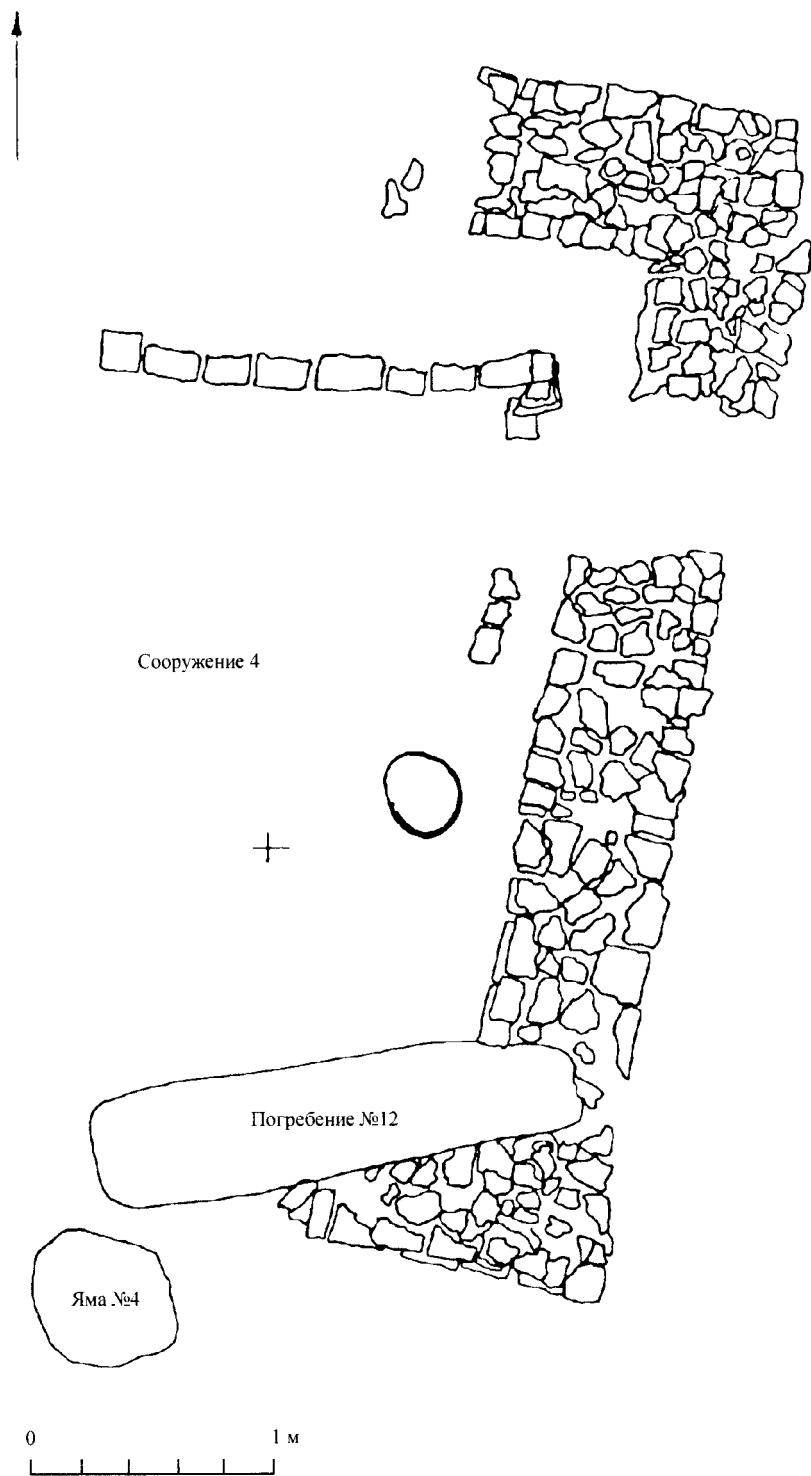

Рис. 4. Сооружение № 4, I строительный период.
 Fig. 4. Structure 4, the 1st construction period.
 Abb. 4. Bauwerk 4, 1. Bauperiode.
 Dess. 4. Construction № 4, I periode de construction

ных торцевой частью к югу. Кладка сохранилась на высоту 3-4 слоев. Нижний слой кладки также положен на земляную ступеньку высотой 30-35 см над уровнем пола. Тандыр № 4, пристроенный с северной стороны к этой стенке, имеет, вероятно всего, более позднее происхождение. Он был встроен в стену уже после разрушения сооружения № 1, а остатки ее кладки были использованы для его укрепления.

Стены образовывали помещение размерами 4,6х3,2 м. Внутренние конструкции сооружения № 1 сохранились несколько лучше, чем стены. За время существования постройки в ней было сделано несколько перестроек. В целом можно выделить четыре строительных периода.

В I строительном периоде вдоль южной стены помещения был сооружен двухканальный кан. Общая ширина его составляла 80 см. Впоследствии каналы кана были заложены обломками кирпичей. Печь, вероятно, находилась к северу от этого кана за его пределами. Здесь под слоем пола более позднего периода был обнаружен развал сооружения из сильно перекаленных кирпичей. Предполагаемая печь находилась в 120 см от западной стены помещения. Сверху она была перекрыта толстым (10 см) слоем спекшейся золы.

К I периоду относится и суфа, сооруженная вдоль северной стены. Подпорная стенка суфы была сложена из обломков кирпичей и имела высоту до 6 слоев кладки. Нижний слой лежал на уровне пола I строительного периода. Длина суфы составляла 158 см, ширина – 35 см в восточной части и 15 см в западной. В перевязку со стенкой северной суфы была положена подпорная стенка суфы, идущей вдоль восточной стены. Длина стенки 150 см. Ширина восточной суфы 42-43 см. В СВ углу суфы прямо на ее поверхность был поставлен тандыр диаметром 55 см. Потом (возможно во II или в III строительных периодах) прямо в остатки тандыра была встроена печька круглой в плане формы. Стенки ее были сложены из обломков кирпичей. Внутренний диаметр печки составлял 35 см, устьем она открывалась на запад.

Во II периоде был построен кан вдоль западной стены помещения. Западная стенка кана являлась обкладкой восточного фасада стены. Кладка ее сохранилась на 6 слоев. Средняя и восточная стенки кана при дальнейших перестройках были срублены и до одного слоя кирпичей. Общая длина кана составляла 180 см, ширина – 45 см. Каналы имели ширину 11-12 см. Тандыр находился в северной части кана, на том же месте, где потом был встроен тандыр III периода, т.е. в 180 см от северной стены помещения. Тандыр ограничивала стен-

ка высотой 3-4 слоя кладки, остатки которой видны в забутовке суфы III периода.

В III периоде суфы, сложенные вдоль северной и восточной стен остались прежними. Южная суфа была расширена до 107 см. Нижний слой кладки был поставлен на остатки печи I строительного периода. У западной стены к стенке кана II периода вплотную была пристроена еще одна стенка из обломков кирпичей. Благодаря этой стенке ширина суфы стала составлять 60 см. Стенки кана II периода были частично срублены, каналы забутованы. Сверху кан был перекрыт половинками кирпичей, которые своим краем были врезаны в западную стену сооружения. На месте тандыра II периода был поставлен новый тандыр диаметром 38 см. Он имел широкое (20 см) устье, направленное на восток. Стенки тандыра имели высоту 20-30 см. К северу от тандыра была пристроена небольшая прямоугольная суфа шириной 55 см и длиной 75 см.

Таким образом в III строительном периоде в помещении не было кана и оно отапливалось тандыром у западной стены и печкой на суфе у СВ угла.

В IV строительном периоде была расширена на 35 см восточная суфа. Стенка ее сохранилась в северной части помещения.

Пол в помещении был глинобитным, многослойным. Верхний пол находился на отметках – 139-144. Нижний пол имел отметки – 155-160. В середине помещения пол имел существенное понижение. На нем были прослежены следы тлена от камышовой циновки.

Крыша сооружения № 1, скорее всего, была сделана из камыша. Слой тлена от рухнувшего камышового перекрытия был расчищен в СВ и СЗ углах помещения.

Сооружение № 2 было пристроено почти вплотную к западной стене сооружения № 1 (рис.2). Расстояние между стенами построек составляло примерно 30 см. Западная стена была сложена из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе в 3-4 ряда. Кладка сохранилась на высоту 3 слоев. Восточный край стены был выложен торцами кирпичей и был ровным, западный край был рваным. Длина стены составляла 3,6 м, ширина 40-50 см. Южная и северная стены имели аналогичное строение. Пол сооружения № 2 был земляным со следами прокаленности. Он был заглублен на 10-15 см относительно основания кладки стен. В центре пола была расчищена квадратная ямка размерами 25х25 и глубиной 5 см. Такое впечатление, что она осталась от целого кирпича, который был заглублен в пол. Возможно, он являлся основани-

ем столба, поддерживавшего крышу. Никаких других внутренних конструкций в сооружении № 2 найдено не было.

Сооружение № 3 располагалось в ЮВ углу раскопа (рис.2). Оно было сильно разрушено поздними погребениями. Стены его практически не прослеживались. При зачистке был найден участок вымостки пола сооружения № 3, который состоял из двух целых кирпичей и двух половинок. Размеры кирпичей 21x21x4,5 см и 22x22x4,5 см. В одном

кирпиче в центре была просверлена дырочка. Вероятно, он прикрывал тошну. В том же квадрате был расчищен развал большого двуручного сосуда (хума), который был наполовину заглублен относительно дневной поверхности.

У северного борта раскопа находилось сооружение № 5. Оно представляло собой жилой дом прямоугольный в плане с капитальными стенами из обломков обожженного кирпича и глинобита (рис.2, 3). Северная часть сооружения находилась

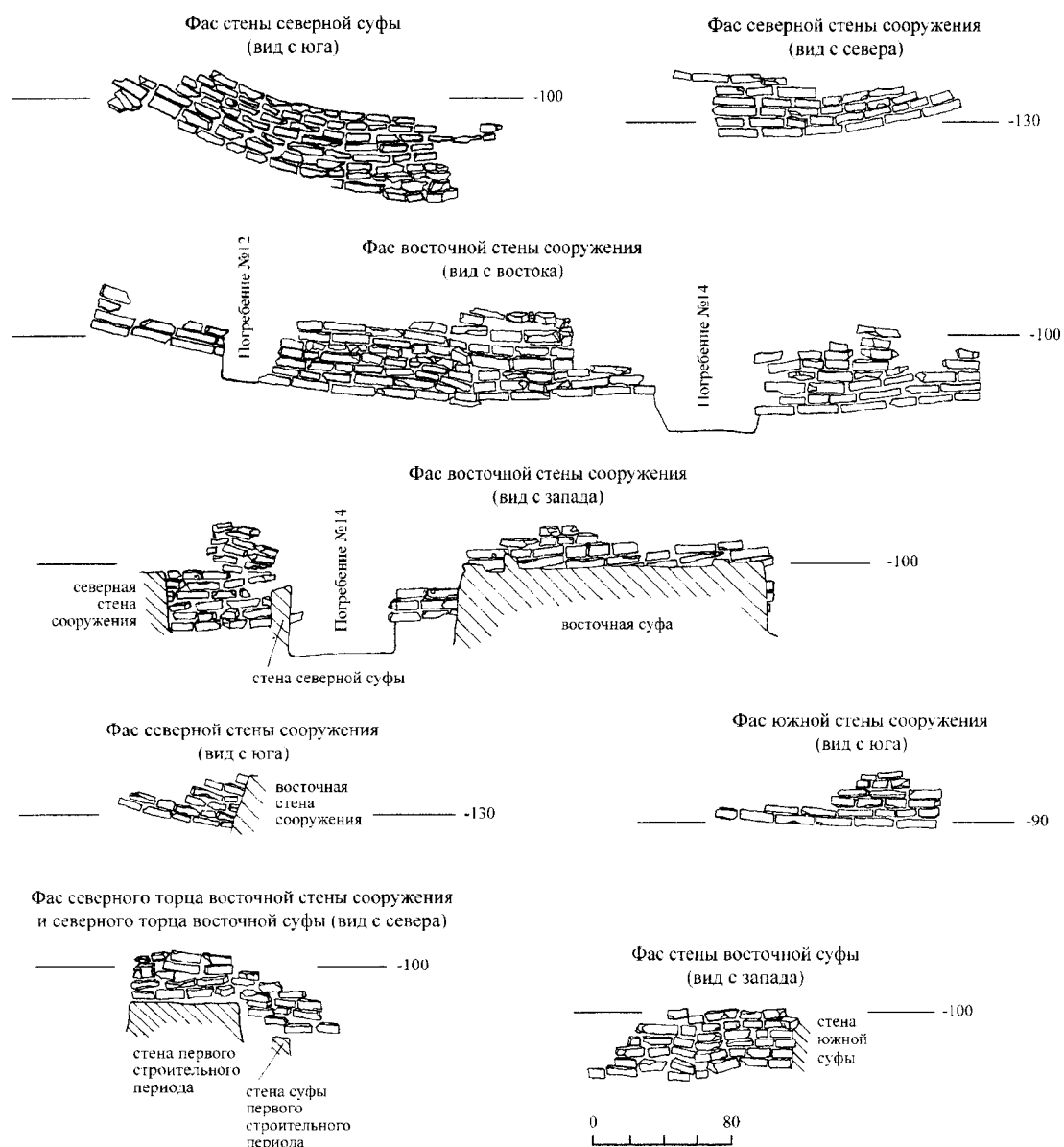

Рис. 5. Фасы элементов конструкций сооружения № 4.

Fig. 5. The fronts of the construction elements of structure 4.

Abb. 5. Frontseite der Teile vom Bauwerk 4.

Dess. 5. Les faces des éléments constructifs de la construction № 4

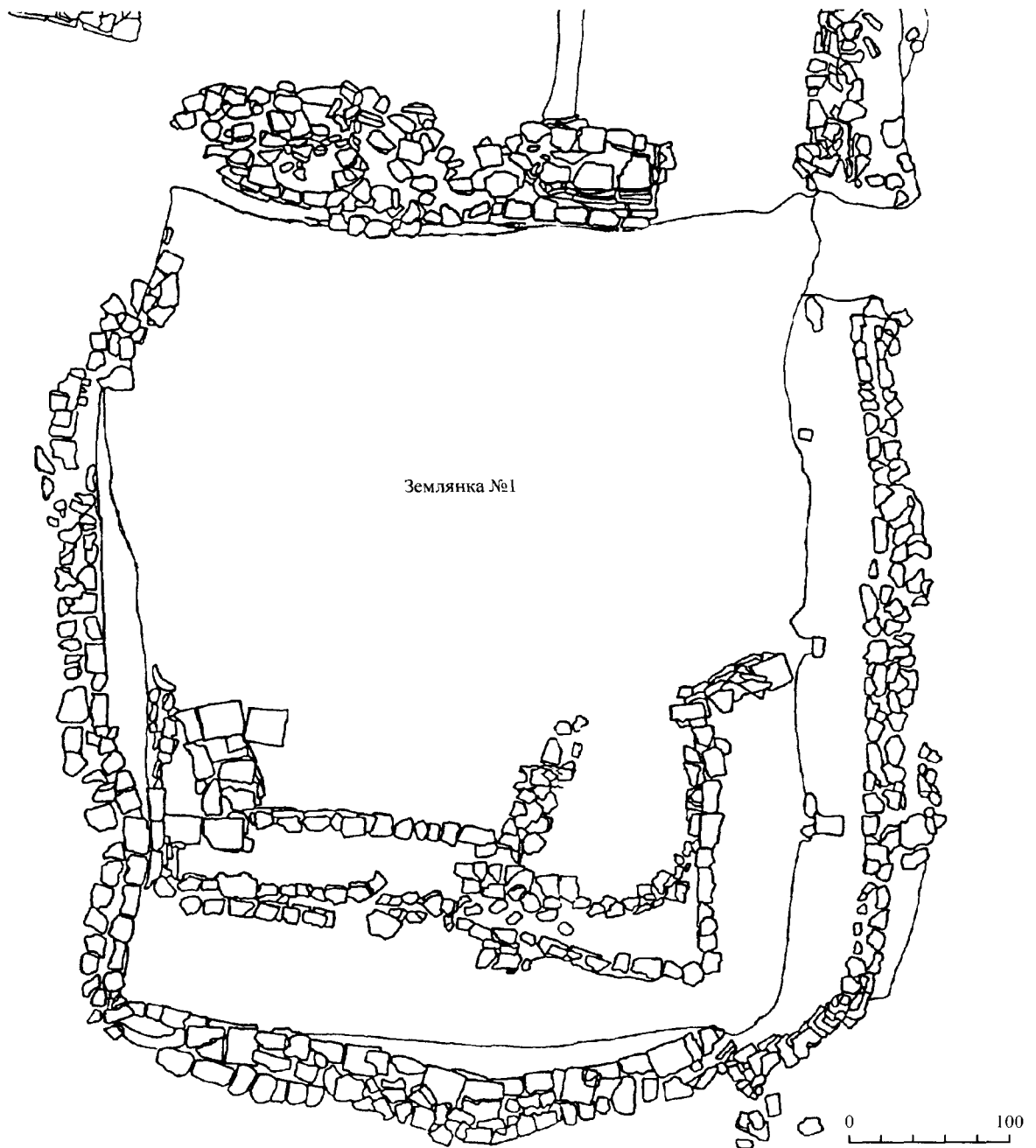

Рис. 6. Землянка № 1, конструкции I-IV строительных периодов.
Fig. 6. Dug-out 1, the structures of the 1st to 4th construction periods.
Abb. 6. Erdhütte 1, Baugruppen aus der 1. bis 4. Bauperiode.
Dess. 6. La hutte № 1, éléments des phases I – IV de construction

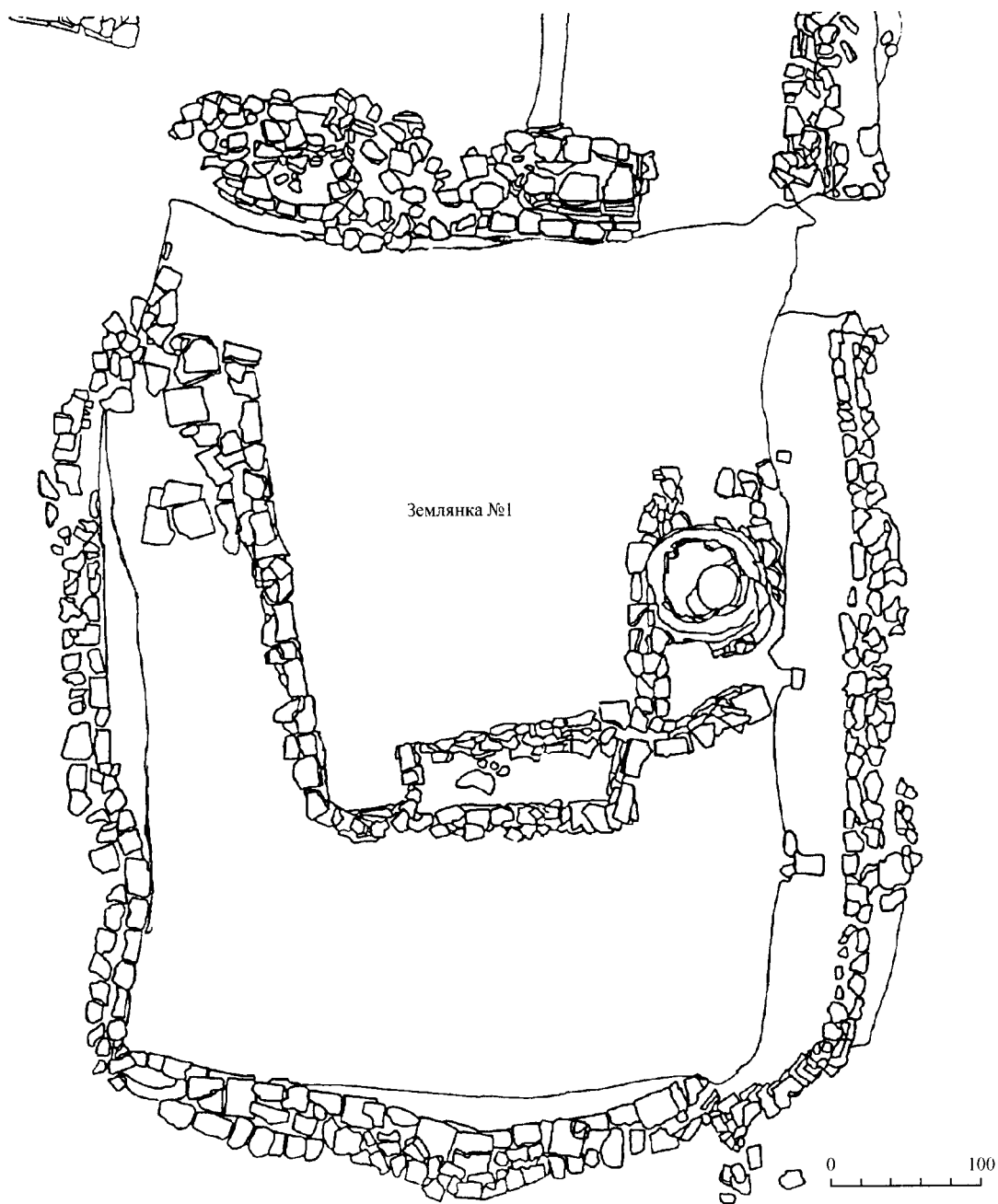

Рис. 7. Землянка № 1, конструкции V-VI строительных периодов.
Fig. 7. Dug-out 1, the structures of the 5th to 6th construction periods.
Abb. 7. Erdhütte 1, Baugruppen aus der 5. und 6. Bauperiode.
Dess. 7. La hutte № 1, éléments des phases V - VI de construction

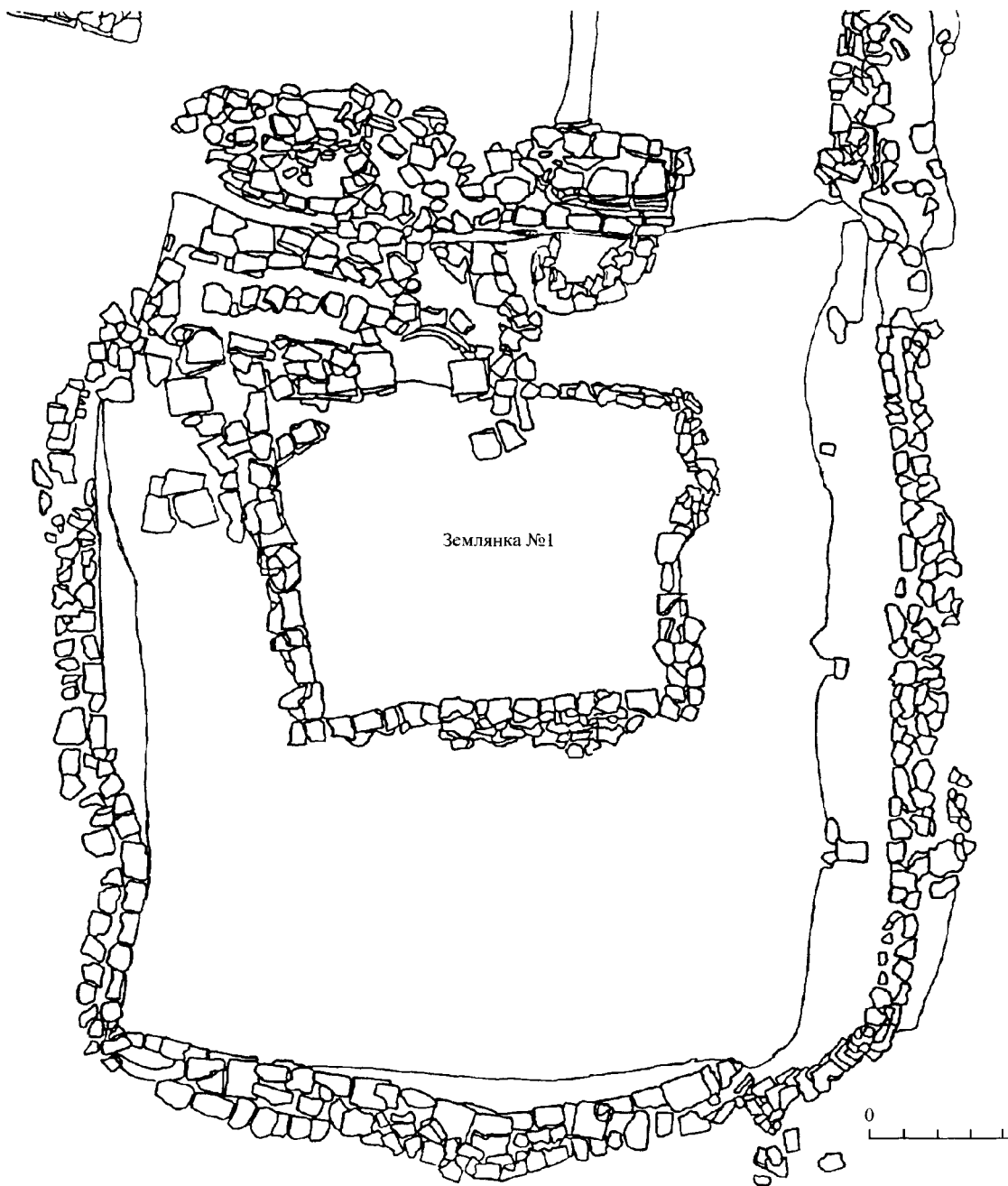

Рис. 8. Землянка № 1, конструкции VII строительного периода.
Fig. 8. Dug-out 1, the structures of the 7th construction periods.
Abb. 8. Erdhütte 1, Baugruppen aus der 7. Bauperiode.
Dess. 8. La hutte № 1, éléments de la phase VII de construction

за пределами раскопа. Восточная стена сооружения № 5 была найдена на I штыке. Стена капитальная, сложена панцирной кладкой из крупных и мелких обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. Восточный и западный фасы стены образованы половинками и крупными обломками кирпичей, положенных вперевязку. Массив стены заполнен более мелкими и бесформенными обломками. После разборки стены в нижнем слое кладки были обнаружены целые кирпичи следующих размеров: 19x20x4 см, 20x22x4 см, 22x22x4 см, 22x22x4 см, 20x19x4 см, 22x22x4 см, 19x20x4 см, 20x21x4 см, 19x22x4 см, 22x20x4 см, 22x22x4 см, 20x20x4,5 см. Восточная стена имела ширину 50-55 см и длину 2,9 м от северного борта раскопа. Основание стены лежало на нивелировочной подушке толщиной 16-20 см.

Западная стена сооружения № 5 также была панцирной, но имела другую конструкцию. Панцирь из обломков кирпичей, обращенных торцами наружу, облицовывал восточный и западный фасы стены, а середина была глинобитной. Стена имела ширину 60 см, северный конец ее был разрушен, и в длину она сохранилась на 3,9 м.

Южный конец западной стены представлял собой участок сплошной кладки из обломков кирпичей. Длина его 75-80 см, ширина 35 см. Восточный, южный и западный фасы этой стены были ровными, северный край был рваным. В 62 см к востоку от него находилась еще одна кладка длиной 82 см, шириной 30 см и высотой в 5 слоев. Она также имела три ровных края и рваный восточный. Представляется вероятным, что эти два участка кладки представляют собой пилоны, оформляющие проход шириной 60-62 см. Правда, этот проход ведет прямо на кан III строительного периода в сооружении, что довольно неудобно, но проход мог функционировать в I и II строительных периодах, а в III мог быть сделан какой-то другой. Или же этот проход сохранялся в течение всей жизни дома, в результате чего южный конец кана III периода разрушился. Проход из сооружения № 5 вел на небольшую (1,2x1,0 м) площадку, с восточной стороны которой находился вход в сооружение № 1.

Южная стена сооружения № 5 отсутствовала. Возможно, она шла как продолжение к востоку кладки восточного края прохода. В любом случае она должна была вплотную примыкать к северной стене сооружения № 1 или быть общей с ним. Таким образом, мы можем измерить только ширину сооружения № 5 (по оси З-В). Внешняя ширина равна 4,55-4,6 м, ширина комнаты – 3,2-3,3 м. Внутри сооружения № 5 было выявлено четыре строи-

тельных периода. Возможно, их было больше, но точно сказать сложно, так как часть конструкций осталась под северным бортом раскопа.

К I периоду, вероятно, относятся остатки суфы, пристроенной к восточной стене помещения. Большая часть ее находится за пределами раскопа. Суфа имела ширину 88 см. Подпорные стенки суфы были сложены из обломков кирпичей, обращенных ровным краем наружу. Внутри суфы были видны остатки стенок криволинейного кана. Стенки и дно каналов его были прокалены до красного цвета. В канале был найден грубый лепной глиняный светильник, обожженный на костре или прокалившийся в результате горения масла. Эта суфа относится к I периоду условно. Трудно сказать, как соотносится она с другой суфой I периода, расположенной также вдоль восточной стены, но дальше к северу. Наиболее вероятным нам кажется предположение, что эти суфы находились в разных помещениях, а стенка, отделявшая помещения друг от друга была легкой фахверковой и не сохранилась.

К I периоду относится двухканальный кан, проложенный вдоль восточной стены. Ширина его 57 см. Стенки сильно разрушены. Восточной стенкой кана, вероятно, являлась стена помещения. Средняя и западная стенки состояли из сильно прокаленных, до красного цвета, раскрошившихся кирпичей. Дно каналов кана также было прокалено до красного цвета. Каналы кана имели ширину 14-15 см. Кан, вероятно, тянулся до южной стены помещения. Стенки его здесь не сохранились, но были отчетливо видны следы прокаленности.

Во II строительном периоде кан также проходил вдоль восточной стены, но суфа, в которой он находился, была расширена до 75 см. Подпорная стенка ее, сложенная из обломков кирпичей, обращенных торцом наружу, насчитывала 5 слоев. Она также продолжалась до южной границы помещения.

В III периоде помещение было кардинально перестроено. Восточная суфа была оставлена прежней, была сооружена южная суфа, а кан перенесен к западной стене. Таким образом, суфа стала П-образной. Стенка южной суфы была врезана в стенку восточной суфы в 2,1 м от ее северного конца. Стенка сложена из обломков в 6 слоев кладки. В 47 см к югу от этой стенки, параллельно ей, на поверхности суфы положен в ряд 1 слой обломков кирпичей. Предположительная ширина южной суфы – 150 см.

Вдоль западной стены сооружения был устроен двухканальный кан. Общая ширина его – 77-78 см, длина (с тандыром) – 250 см. Стенки кана

были сложены из обломков кирпичей и имели в высоту до 5 слоев кладки. Ширина каналов колебалась от 8 до 15 см. Сверху каналы были перекрыты большими целыми кирпичами. Размеры кирпичей – 32х32х7 см. Южный конец кана был разрушен. Возможно, он разрушился в результате того, что в этом месте находился проход с улицы. Кан отапливался тандыром, пристроенным с северной стороны. Тандыр был цилиндрический, диаметром 50 см. Высота его – 25 см. Устье было обращено к востоку и имело ширину 23 см. На внутренней поверхности тандыра были сделаны насечки в виде косых перекрещивающихся пучков линий, прочерченных 5-зубцовой гребенкой.

В IV периоде была сделана небольшая перестройка: расширена восточная суфа. Ширина ее была увеличена до 105 см. Стенка суфы была сложена в той же технике и упиралась в стенку южной суфы.

Пол сооружения во все периоды был земляным. Прослежено 3-4 слоя пола. На некоторых слоях были видны остатки камышовой циновки.

Сооружение № 4 находилось у западного борта раскопа. Оно представляло собой наземный дом прямоугольный в плане с капитальными стенами из обожженного кирпича (рис.2, 4, 5). Западная часть дома была разрушена. Северная стена сооружения № 4 сложена панцирной кладкой из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. Северный и южный ее фасы сложены из половинок кирпичей, обращенных торцевой частью наружу и рваным концом вовнутрь толщи стены. Середина стены была забутована более мелкими и бесформенными обломками кирпичей. Кладка крайних рядов имеет хорошую перевязку. Стена имела толщину 65-70 см и высоту 5-6 слоев кладки. Нижний слой лежал на глиняной подушке толщиной 9 см. Стена имела длину 140 см от СВ угла здания, западный конец ее был разрушен.

Восточная стена сооружения № 4 сохранилась на полную длину, которая составляла по внешнему контуру 5,0 м, по внутреннему контуру – 3,6 м. В северной и южной частях она была нарушена поздними погребениями. Восточная стена была сложена также панцирной кладкой, аналогично северной стене здания. Ширина ее составляла 68-70 см. Кладка сохранилась в высоту до 9 слоев. В северной части стены находился дверной проем. Он начинался в 50 см от СВ внутреннего угла помещения. Проход имел ширину 106 см. Порог находился на уровне третьего слоя кладки стены.

Южная стена сооружения № 4 также была панцирной. Стена имела длину 140-220 см и ширину 70-75 см. Кладка сохранилась в высоту до 6 слоев.

Следует отметить, что все стены сооружения № 4, как внешние, так и внутренние, сильно искривлены и деформированы в результате просадки почвы. Это объясняется тем, что стены поставлены без фундамента не на плотный однородный материк, а на мощный культурный слой, имеющий различную плотность. Определенную роль в просадке конструкций, вероятно, сыграл и постоянно повышающийся уровень грунтовых вод.

Внутри сооружения № 4 прослеживаются конструкции, относящиеся к двум строительным периодам. Конструкции II строительного периода сохранились полностью, а конструкции I периода фрагментарно, поэтому целесообразнее начать описание со II периода.

Во II периоде вдоль южной стены помещения был сооружен двухканальный кан длиной 1,5 м. Стенки его были сложены из обломков кирпичей и имели ширину 15-18 см. В высоту они сохранились на 4-5 слоев кладки. Ширина каналов кана составляла 13-17 см. Кан отапливался тандыром, который находился с западной его стороны. Тандыр имел диаметр 28 см, стенки его сохранились на высоту до 28 см. На внутренней поверхности тандыра были сделаны насечки 8-зубцовой гребенкой. Насечки были в виде прочерченных вертикально пучков линий, чередующихся с горизонтальными отрезками волнистой линии. Устье тандыра находилось с северной стороны. В полу перед устьем был положен кирпич размерами 31х31х6 см.

К кану примыкала суфа. Западная стенка суфы проходила параллельно восточной стене помещения, на расстоянии 55-60 см от нее. Северная стенка суфы была положена вровень с южным торцом прохода в помещение. Обе стенки были сложены из обломков обожженных кирпичей, направленных торцами к наружным краям стенок. На некоторых кирпичях прослеживались остатки известковой обмазки. Подпорные стенки суфы имели высоту 6-7 слоев кладки (30-35 см). Сверху суфа была покрыта слоем глиняной обмазки толщиной 5-8 см. После снятия слоя обмазки в суфе обнаружился тандыр I периода.

Еще одна суфа шириной 72-73 см была сделана во II периоде вдоль северной стены помещения. Подпорная стенка ее была также сложена из крупных обломков кирпичей, обращенных торцами наружу. Кладка стены насчитывала 9 слоев кирпичей, причем два нижних находились ниже уровня пола. У 6 нижних слоев кладки в 30 см от восточной стены комнаты был виден поворот стенки к югу. Кирпичи этой перпендикулярной стенки были перерублены. До восточной стены комнаты доходят только 3 верхних слоя кладки. Пол помещения во II периоде был глинобитным.

В I периоде вдоль северной стены была сделана суфа шириной 72-73 см, т.е. она была точно такой же, как и во II периоде (рис.4). Нижние 6 слоев кладки стенки суфы II периода относятся к I периоду. В 30 см от восточной стены помещения стенка суфы поворачивала к югу. Вероятно, в I периоде вдоль восточной стены была сооружена узкая (30 см) суфа, и вход в помещение вел прямо через нее. Восточная суфа была перерезана поздним погребением, но сохранилась ее часть к югу от него на длину 1,2 м. На кладку ее подпорной стенки была поставлена северная стенка восточной суфы II периода. Интересно, что основание внешней восточной стены помещения также находится выше по уровню, чем основание стенки суфы I периода. Можно предположить, что в I периоде пол помещения был заглублен относительно дневной поверхности, как это прослеживается в сооружениях № 1 и № 2.

К I строительному периоду относится и тандыр, найденный в толще суфы II периода. Западный край его перерезан стенкой суфы II периода. Тандыр был круглым в плане, конически расширяющимся книзу. Его верхний диаметр 30 см, нижний диаметр 40 см, высота 33 см. Стенки его сильно прокалены, гладкие, без насечек. Никаких остатков кана, отходящего от этого тандыра, обнаружено не было.

В южной части раскопа находилась землянка № 1 (рис.2, 6-8, 20-22). Большой частью она была вскрыта в 2001 г., но южная ее часть была исследована в 2002 г., для чего была сделана прирезка вдоль южного борта раскопа. Землянка 1 представляла собой прямоугольную в плане яму, стенки которой были облицованы крупными обломками кирпича на глиняном растворе. Кирпичи повернуты торцами вовнутрь помещения. По оси 3-В шири-

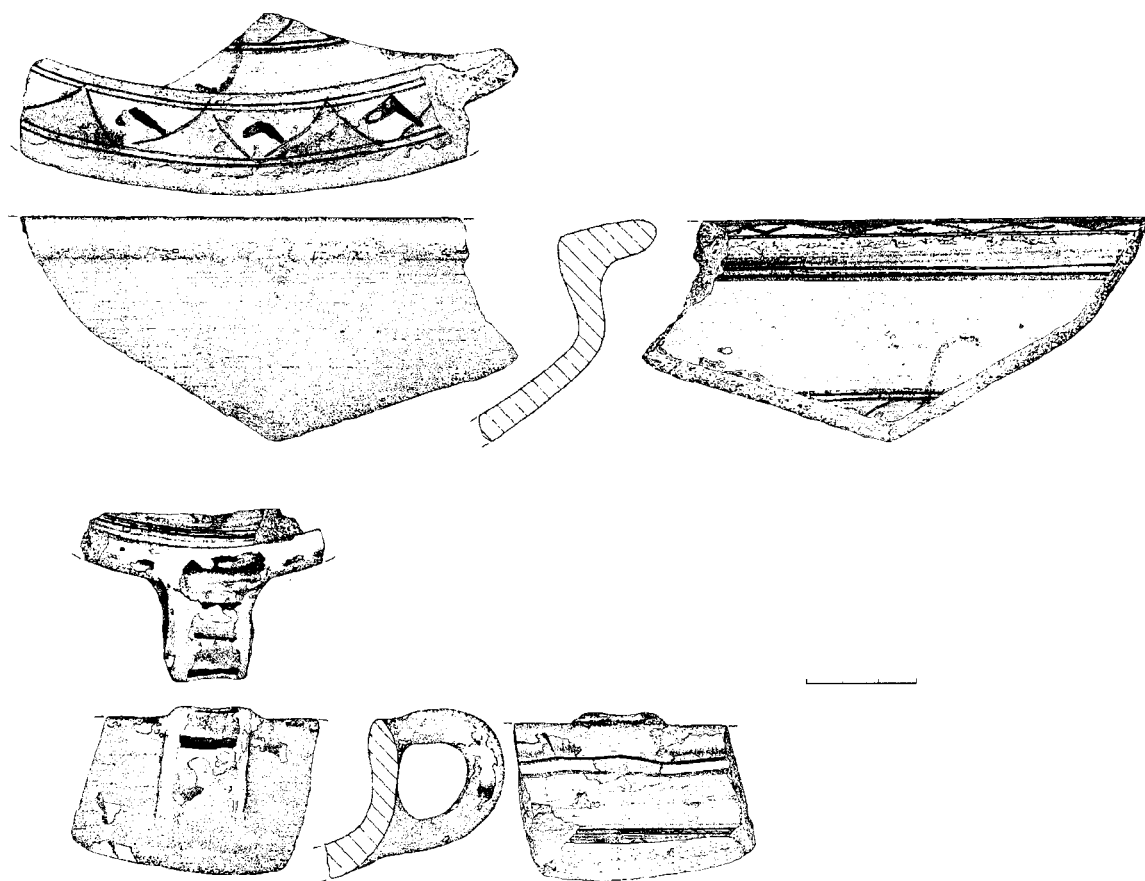

Рис. 9. Поливная керамика (Ширван) из заполнения землянки № 1.

Fig. 9. Glazed earthenware (Shirvan) from the finds of dug-out 1.

Abb. 9. Glasurkeramik (Schirwan) aus den Funden in der Erdhütte 1.

Dess. 9. Céramiques émaillées (Şirvan) extraites de la hutte № 1

на землянки составляла 4,6-4,8 м. По оси С-Ю длина – 5,6 м. В землянку вел вход в виде коридора шириной 120 см. Он находился с северной стороны землянки. Восточная стена коридора являлась продолжением стены основного помещения землянки.

Яма землянки имела слоистое заполнение. В верхней части находились мощные (до 1 м) насло-

ения золы. Под ними был найден и расчищен слой тлена от камыша или тростника. Слой лежал неровно. У восточной стены он прослеживался на отметках –133, -137. К центру землянки он понижался до – 181, -182. В южной части слой тлена также лежал значительно ниже, на отметках –169 у восточной стены и –204 у центральной оси землянки. Этот тлен, вероятно, является остатком камы-

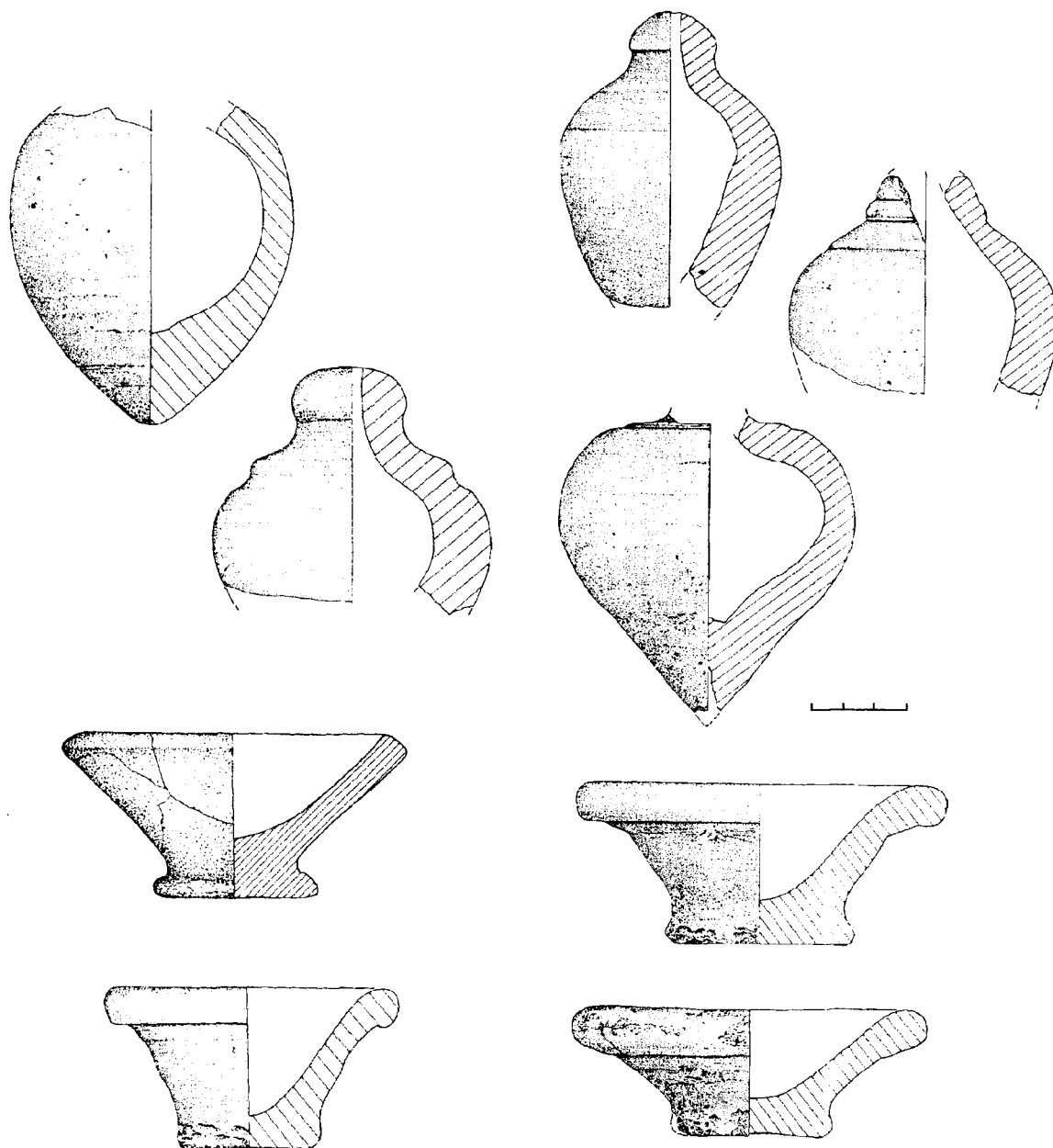

Рис. 10. Сфероконусы и красноглиняные чаши из заполнения землянки № 1.

Fig. 10. Spheric cones and red-clay cups from the finds of dug-out 1.

Abb. 10. Sphärenkegel und Rotlehmshalen aus der Füllung der Erdhütte 1.

Dess. 10. Les sphères coniques et coupes en argile rouge extraites de la hutte № 1

шового перекрытия землянки, которое рухнуло уже после того, как она пришла в запустение. Под тленом находился собственно слой заполнения землянки в виде зеленовато-серого комковатого суглинка с золой, углями, костями и керамикой. Выше тлена находился слой мусора, которым засыпали яму землянки. В заполнении землянки на всех уровнях находилось большое количество костей, керамики, железных, медных и стеклянных предметов. Но закрытым комплексом можно считать только ту ее часть, которая находится ниже уровня рухнувшего перекрытия.

Стены землянки были сложены из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. В результате просадки культурного слоя, они были сильно искривлены как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях.

Восточная стена землянки сложена из обломков кирпичей в 2-3 ряда, ширина ее 20-30 см. Южный ее конец прослеживался со II штыка. Высота стены составляла 32 слоя кирпичей (2 м от уровня пола) в южной части и 24 слоя (1,5 м) в северной. Нижний слой кирпичей восточной стены начинался не с уровня пола, а с уровня поверхности суфы, т.е. на 4 слоя кирпичей (25-30 см) выше, чем прилегающая к ней южная стена. Кирпичи обкладки стены были явно использованы вторично, некоторые из них носили следы известковой обмазки. Формат кирпичей разный. В основном это квадратные кирпичи со сторонами 20, 21,5, 22, 23, 24 и 25 см. Толщина их колеблется от 3,5 до 6 см. Встречаются отдельные большеформатные кирпичи со стороной 31-33 см и толщиной 4-6 см. Кладка на глиняном растворе, вперевязку. В 5,0 м от ЮВ угла кирпичная обкладка восточной стены становится сырцовой. Сырцы имели длину 24 см и толщину 6 см. Длина сырцового участка стены – 1,0 м. Северный конец его выходит за пределы основного помещения землянки и образует стену прохода в помещение. Дальнейшие исследования показали, что здесь находился первоначальный вход в землянку, который впоследствии был заложен сырцом. Порог этого входа находился на уровне третьего слоя кладки стены. В 130 см от ЮВ угла в кирпичной кладке стены был сделан вертикальный проем с ровными границами. Он начинался с на 70 см выше уровня суфы и заканчивался на уровне 20 слоя кладки. Ширина проема 10 см, высота 55 см. В 120 см к северу от первого проема находился еще один. Он начинался с уровня суфы, имел высоту 110 см и ширину 10 см. В эти проемы, скорее всего, был вставлен какой-то деревянный крепеж, который не сохранился.

Южная стена имела высоту 16-17 слоев кирпичей от своего основания. Основание ее находилось на 4 слоя кирпичей ниже, чем основание вос-

точной стены. В углу, образованным этими стенами, первые 4 слоя восточной стены и 8 слоев южной стены положены не вперевязку. Между ними имеется щель шириной 25 см в нижней части, которая постепенно сужается кверху. Выше кладка стен перевязана, для чего кирпичи в углу положены под углом 45 градусов к обеим стенам. В южной стене пятый, шестой, седьмой и восьмой слои кладки частично были сложены из сырцовых кирпичей большого формата. Длина их достигала 50 см, а толщина – 7-8 см. В восточной части южной стены нижние 4-5 слоев кладки сильно просели. Этот прогиб был заполнен 4 слоями сырцовой кладки. Дальше к западу на кирпичной кладке лежат только 2 слоя сырца. Выше кладка была сделана из обломков кирпичей и имела такое же строение, как и восточная стена. В ЮЗ углу землянки кладка южной стены сложена вперевязку с западной стеной только на уровне трех нижних слоев кладки. Выше кладка имеет неровный край, который не доходит до западной стены на 20-50 см. Это пространство было забутовано глиной. Таким образом, создается впечатление, что верхняя часть южной стены была положена на уже имевшуюся нижнюю часть, которая некоторое время уже существовала и успела просесть. Причем нижняя часть южной стены сложена вперевязку только с западной стеной, а верхняя часть перевязана с восточной стеной.

Западная стена землянки была шириной 25-35 см и сложена в 3 ряда обломков кирпичей. В северной части она имела высоту 25 слоев кладки, а в южной части 13 слоев от основания. В 130 см от СЗ угла верхняя часть кладки стены, начиная с седьмого слоя, выступает вовнутрь землянки на 20 см. Это стало возможно, так как в этой части не была соблюдена перевязка кирпичей, и образовался вертикальный шов. В нижней части кладка идет вровень с остальной плоскостью стены. Северный конец западной стены сложен вперевязку с северной стеной.

Северная стена имела высоту 19-21 слой кирпича от основания (150-160 см). Ширина ее около 70 см. В северной стене имелся скользящий вдоль восточной стены проход шириной 80 см. Порог находился на уровне третьего слоя кладки и был сложен из сырцовых кирпичей. Он был обложен досками, отпечатки которых прослеживались на сырцах. В СВ углу, образованном нижними слоями кладки восточной и северной стен, в сырцовом заплыве найдено отверстие для столбика диаметром 10 см и глубиной 10 см. Возможно, оно служило для крепления двери.

Проход в землянку был завален битым кирпичом. После разборки завала был расчищен ко-

ридор, ведущий в основное помещение землянки с северной стороны. Его длина – 4,0 м, ширина – 1,2-1,4 м. Восточная стена прохода являлась продолжением стены землянки. Она была сложена из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. Ширина ее 30-40 см. Южный конец стены длиной 40-45 см был сложен из сырцов. В 65 см от входа в основное помещение землянки в стене прослеживался вертикальный проем шириной 12-15 см и глубиной 12 см. Возможно в нем был закреплен брус, поддерживавший крышу прохода.

Западная стенка прохода не сохранилась. Тем не менее, на то, что он имел ширину 140 см, указывает строение северной стены землянки. Участок кладки стены, примыкающей к входу в землянку, имеет ровный фасад не только с южной стороны, но и с северной. Длина его 60-70 см. Остальная кладка стены имеет рваный северный край, так как он примыкал к котловану землянки и не был виден. Таким образом, в землянку вел коридор шириной 140 см, который сужался на входе в землянку до 80 см. Пол прохода был земляным, он имел уклон с севера на юг от –193 до –211.

Пол землянки был земляным. Вдоль всех четырех стен была сделана невысокая (15-25 см высотой) суфа. После выборки заполнения суфы в ее массиве появились остатки многочисленных стенок, которые можно отнести к семи строительным периодам.

В I строительном периоде была сделана Г-образная суфа вдоль южной и восточной стен (рис.6). Подпорная стенка была сложена из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе и имела ширину 10-15 см. Высота ее – 2-3 слоя. Южная суфа имела ширину 80 см в западной части и 50 см в восточной. Восточная суфа была шириной 55-60 см и длиной 2,3 м.

Во II строительном периоде стенка суфы была укреплена. С внешней стороны к стенке I периода была пристроена стенка из обломков кирпичей. В западной части она примыкала вплотную к южной стенке I периода, а в восточной части отстояла от нее на 25-30 см. Ширина южной суфы во II строительном периоде – 100-110 см, восточной суфы – 70 см. От южной стены землянки стена поворачивала на восток под тупым углом. Ширина ее подпорной стенки 10-15 см, высота – 2-3 слоя. В средней части южной суфы видны следы ремонта. К стенке снаружи был пристроен участок стены длиной 85 см и шириной 20 см.

В III строительном периоде суфа была Г-образная, пристроенная к южной и восточной стенам. Ширина южной суфы – 150 см, восточной – 150-180 см. Западный конец подпорной стенки сло-

жен из целых кирпичей (2 кирпича), положенных в 2-4 слоя. Размеры кирпичей – 24х24х5 см. Северный конец восточной стены суфы был разрушен стенкой южной суфы V периода.

В IV строительном периоде была пристроена небольшая суфа вдоль западной стены, и вся суфа стала П-образной. Участок новой суфы имел размеры 80х60х70 см.

В V периоде суфа примыкала к западной и южной стенам и южной части восточной стены (рис.7). Западная суфа имела ширину 1,0 м. Стенка южной суфы находилась на расстоянии 180 см от южной стены. В 3,1 м от западной стены землянки стена южной суфы поворачивает к югу, продолжается на 50 см и снова поворачивает к востоку, соединяясь со стенкой суфы I и II периодов.

В VI строительном периоде суфа была П-образной вдоль западной, южной и восточной стен. Южная суфа имела ширину – 2,3-2,5 м. В ЮЗ ее углу стенка образовывала полукруг диаметром 50 см. Вероятно эта стенка образовывала обкладку тандыра или круглой печи. Западная суфа осталась той же, только была слегка надстроена. Восточная суфа имела ширину 90 см и длину 4,0 м. Ее подпорная стенка имела такое же строение, но высота ее составляла 3-4 слоя. В восточной суфе была сделана тошна (умывальник). В 2,8 м от ЮВ угла землянки, вплотную к восточной стене был вкопан горлом вниз сосуд (хумча) с отбитым дном. Впоследствии сосуд был раздавлен, поэтому размеры его можно определить лишь приблизительно: диаметр горла – 26 см, диаметр сосуда примерно 60 см, высота – 50 см.

В VII строительном периоде суфа была сделана вдоль всех четырех стен (рис.8). Южная и западная суфы остались прежними. Стенка восточной суфы была продолжена еще на 50 см до соединения с подпорной стенкой северной суфы. Северная суфа шла вдоль всей северной стены землянки. Проход в землянку вел прямо на суфу, а уже потом на пол. Суфа имела ширину 110-120 см и высоту 2-5 слоев кладки. В том месте, где суфа примыкала к проходу, уровень ее был несколько ниже, вероятно оттого, что здесь постоянно ходили. В восточной части северной суфы находился двухканальный кан длиной 150 см. Каналы его заканчивались у западной стены землянки. Стенки кана были сложены из крупных обломков кирпичей. Их ширина 15-20 см, высота – 4 слоя кладки. Ширина каналов – 10-20 см. У западной стенки кана каналы соединялись. В конце северного канала была обнаружена круглая яма сажеприемника диаметром 10 см и глубиной 6 см. Каналы кана были перекрыты целыми кирпичами. Кан отапливался тандыром, расположенным

в центральной части суфы, у ее южной стенки. Тандыр слегка расширялся книзу. Его верхний диаметр 32 см, нижний – 38 см. Высота тандыра 40 см. Устьем он открывался на юг. Ширина устья 20 см.

Возле входа, к западу от него в суфе была устроена тошна полукруглая в плане. Ее диаметр 54 см. Колодец тошны был сложен из рваных обломков кирпичей. Кладка шла вглубь на 5 слоев.

В VII периоде печь в ЮЗ углу суфы перестала функционировать. Ее устье было заложено кирпичами, которые продолжали линию стены южной суфы. Также была засыпана и перекрыта поверхность суфы тошна в восточной суфе.

Перестроек интерьера в землянке, скорее всего, было больше, так как некоторые обрывки стенок не укладываются в предложенную схему. Это свидетельствует о длительности существования землянки.

Находки, происходящие из землянки 1, исчисляются тысячами. В основном это фрагменты грубых лепных сосудов и круговой красноглиняной керамики. Среди поливной керамики преобладает импорт, в котором четко выделяется большая группа ширванской керамики (рис.9) и незначительное количество иранской люстровой керамики с полихромной росписью. Золотоордынская керамика составляет менее 5% от всего керамического комплекса и находилась она, в основном, в верхней части засыпи землянки, над тростниковой крышей. В землянке обнаружено большое количество обломков сфероконусов (более 10 сосудов),

что позволяет предположить наличие здесь какой-либо мастерской. Очень интересны небольшие красноглиняные чашечки конической формы с отогнутым венчиком на сплошном поддоне. Верхний диаметр их колеблется от 9 до 11 см, диаметр дна составляет 4-6 см, высота – 4-5 см (рис.10).

Изделия из кости были представлены, в основном, “коньками”. Большое количество металлических изделий из железа и меди было сильно окислено, поэтому большей частью они не подлежали реставрации. Довольно много было изделий из стекла. Это – фрагменты браслетов, бусы, фрагменты стеклянных сосудов, в том числе и из цветного стекла сирийского или египетского производства. Особого внимания заслуживает штампованная кашинная подвеска с бирюзовой поливкой, найденная в нижней части заполнения землянки, под ее перекрытием (рис.11). Подобные подвески встречаются на памятниках Средней Азии (Атагарриев Е., 1965, с.11-12; Давидович Е.А., Литвинский Б.А., 1956, с.124; Дресвянская Г.Я., 1969, с.80-84; Неразик Е.Е., 1976, с.104, рис.58) в домонгольское время, причем позже XII – нач. XIII в. они там не известны (Дресвянская Г.Я., 1969, с.84).

Сооружения, относящиеся к III периоду датировать точно пока еще сложно. По своей планировке, а также по интерьеру, состоящему из Г-образных или П-образных суф, канов, тандыров и тошнау, они напоминают жилища золотоордынских городов (Егоров В.Л., 1970, с.172-193; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.46-77). Тем не менее,

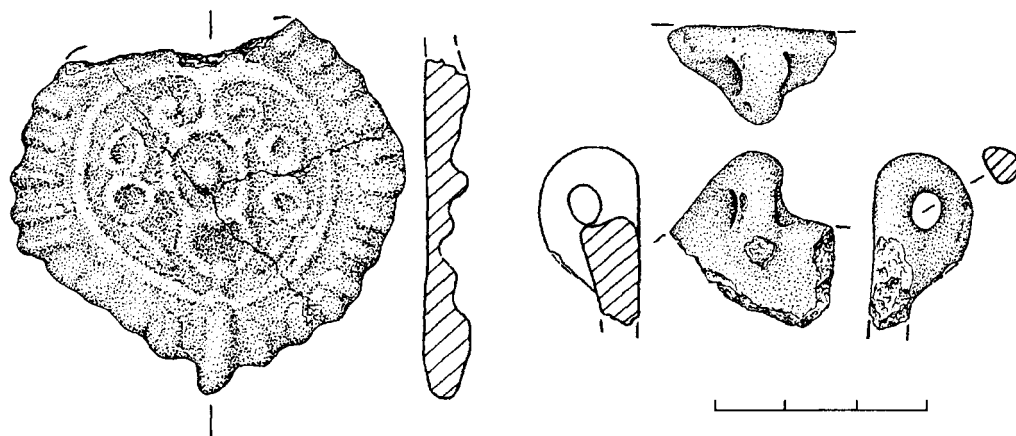

Рис. 11. Кашинные подвески с бирюзовой поливкой.

Fig. 11. Turquoise-glazed kashin pendants.

Abb. 11. Kaschin-Gehänge mit Türkisbelag.

Dess. 11. Suspensions en argile de très haute qualité émaillées couleur émeraude

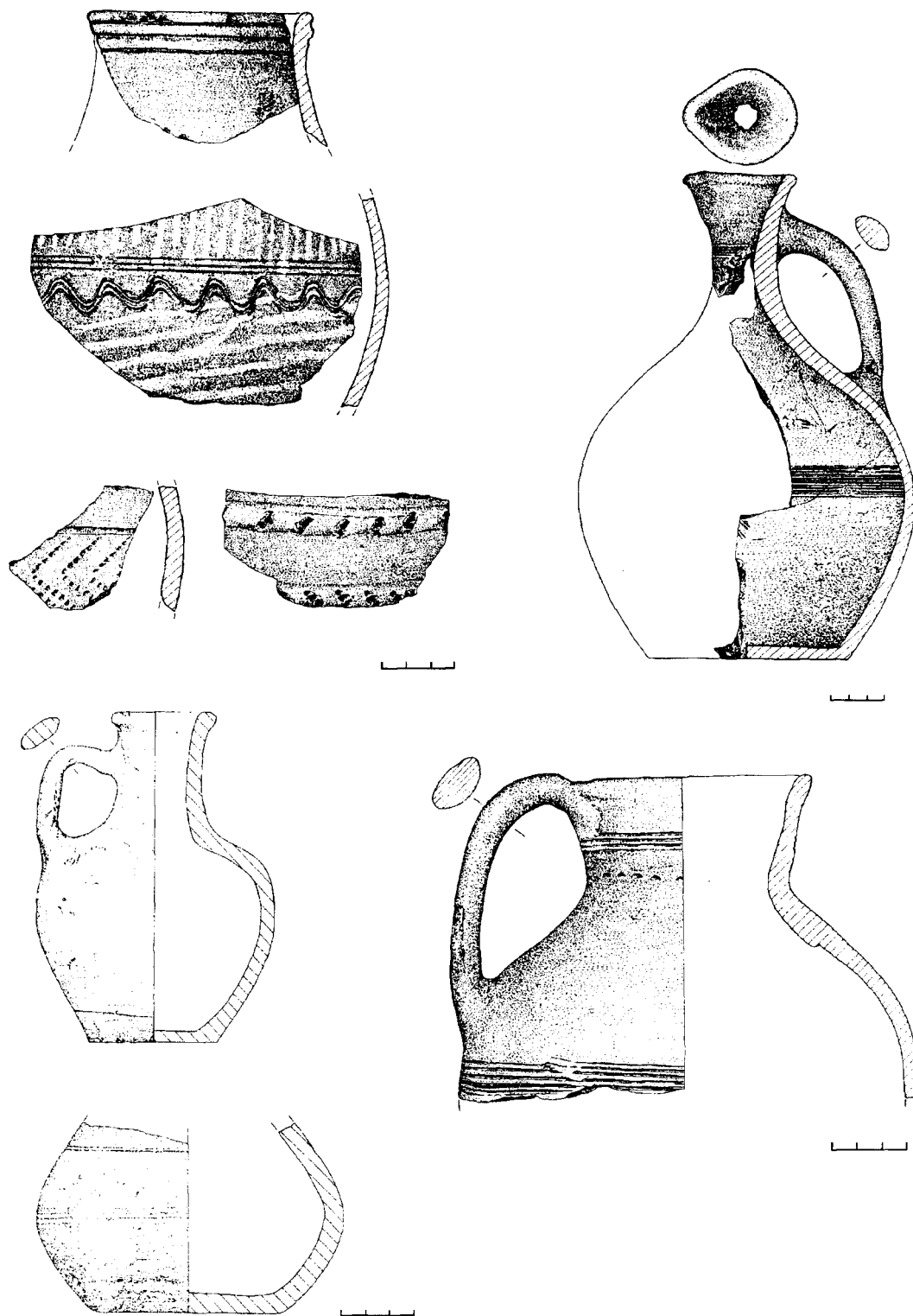

Рис. 12. Круговая керамика из раскопа № 1.
 Fig. 12. Circular ceramics from dug-out 1.
 Abb. 12. Rundkeramik aus der Grabung 1.
 Dess. 12. Poteries de la fouille № 1

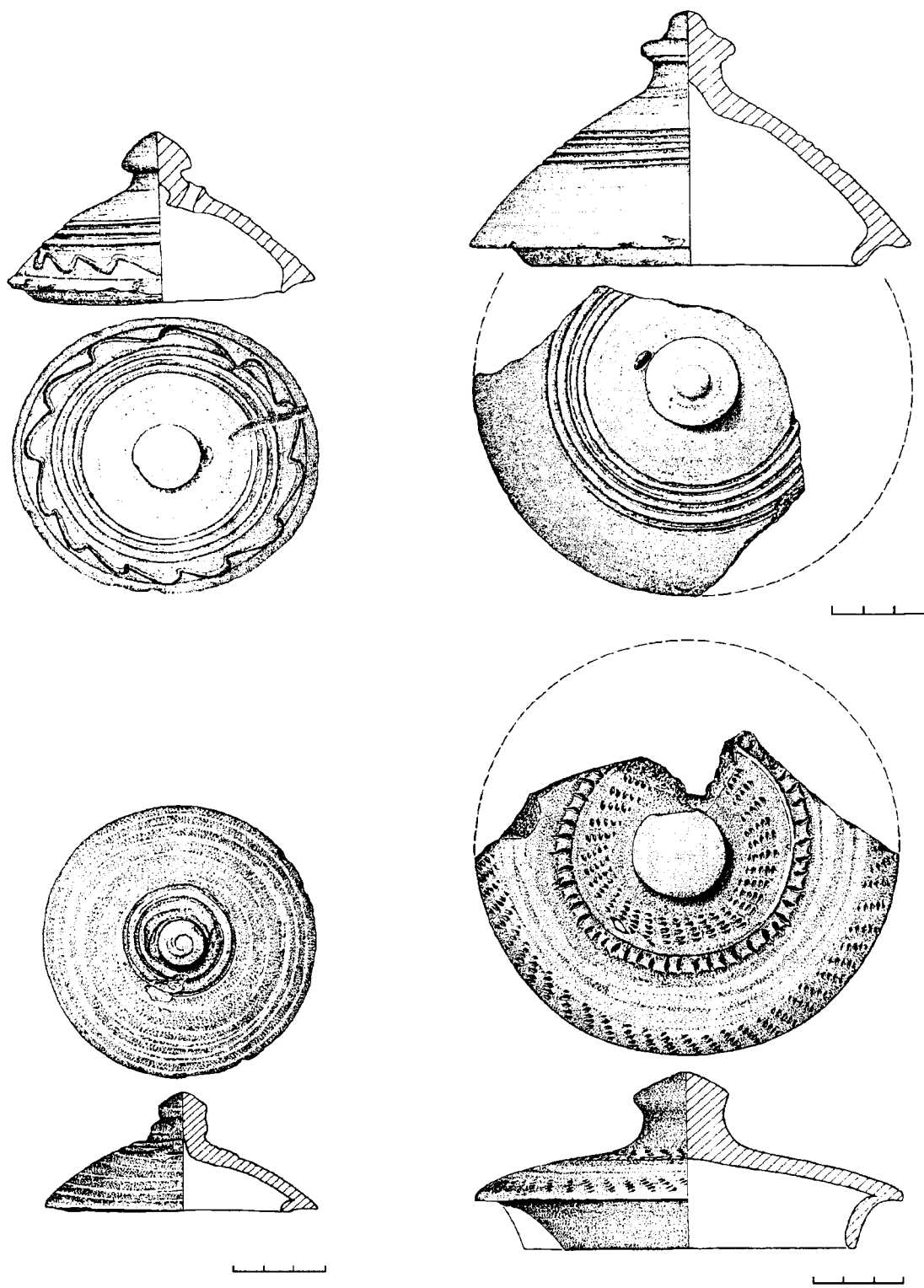

Рис. 13. Красноглиняные крышки из раскопа № 1.
 Fig. 13. Red-clay lids from dug-out 1.
 Abb. 13. Rotlehmdeckel aus der Grabung 1.
 Dess. 13. Les couvercles en argile rouge de la fouille № 1

облик этих построек и их внутренние конструкции имеют ряд отличий от хорошо известных нам домов золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

Для всех золотоордынских городищ характерно обилие построек из сырцового кирпича как крайне дешевого и удобного материала. Даже в столичном Сарае большинство зажиточных усадеб было построено из сырца (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.52-94). На Самосделке сырцовый кирпич встречен пока только в самых верхних слоях. При относительно больших размерах раскопа все постройки III периода возведены только из обломков и местами целых обожженных кирпичей. Вероятно, в более ранние периоды здесь имелось такое количество кирпичных зданий, что кирпич из разрушенных построек являлся даже более дешевым материалом, нежели сырец. На вторичное использование кирпичей указывают также следы известкового раствора на них при том, что все кладки сложены на глиняном растворе. Обращает на себя внимание и качество изготовления кирпича. Все кирпичи вылеплены из теста грубого замеса, с большой примесью органики, поэтому они очень пористые и рыхлые, что не характерно для золотоордынских кирпичей. Вылеплены кирпичи также очень грубо, многие из них имеют неправильную форму и плохой обжиг. Размеры кирпичей весьма разнообразны: 20x21x3,5 см, 22,5x21x4 см, 22-22,5x22-22,5x3,5-4 см, 23-23,5x23-23,5x3,5-5 см, 24-25x24-25x3,5-5 см. Реже встречаются большеформатные кирпичи: 26-27,5x26-27,5x4-6,5 см, 30-33x30-33x4-7 см и даже 39-40x39-40x8-9 см. В основном, кирпичи квадратные, но нельзя отвергать вероятность того, что существовали и прямоугольные, так как кирпичи, найденные в раскопе, большей частью битые. На золотоордынских городищах Нижнего Поволжья преобладает формат 21-22x21-22x4-5 см (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.72). На Самосделке, даже в однозначно золотоордынских слоях применялся кирпич более раннего времени, поэтому аналогии следует искать в памятниках домонгольского периода.

В Волжской Болгарии домонгольского времени были найдены кирпичи размерами 35,5x36x5 см и 25,5x25,5x5 см, 26x26x5 см (Смирнов А.П., 1941, с.150; Смирнов А.П., 1976, с.4; Халиков А.Х., 1979, с.11). Известны форматы кирпичей в крепостях хазарского времени. В Саркеле существовали кирпичи двух стандартов – 24x24x5 см и 27x27x7 см (Раппопорт П.А., 1959, с.14, 17), а в Семикаракорах преобладал кирпич размерами 26x26x6 см, но также были отмечены кирпичи 22,5-23,5x22,5-23,5x4,5-5,5 см, 24-25x24-25x4-5 см, 26-28x26-28x5-6,5 (Флёров В.С., 2001, с.61-63). В Азербайджане в

IX в. были распространены кирпичи форматов 22x22x4 см, 23x23x4 см и 24x24x5 см, а в XII-XIII вв. – 25-26x25-26x5 см (Минкевич-Мустафаева Н.В., 1965, с.26, 38). Встречался также кирпич меньших размеров – 20x20x4 см (Фоменко В.П., 1965, с.47, 49). В Хорезме для строительства применялся преимущественно сырцовый кирпич, а обожженный играл вспомогательную роль (Воронина В.Л., 1952, с.87, 88; Воронина В.Л., 1953, с.3). Сырцовый и обожженный кирпич, применявшийся в постройках Хорезма, имел квадратную форму, причем размеры его со временем уменьшались. Если для VI-VIII вв. характерны кирпичи размерами 38x38x9 см, то во времена хорезмшахов сторона кирпича составляет 30-25 см (Воронина В.Л., 1952, с.90, 91; Воронина В.Л., 1953, с.7; Толстов С.П., 1962, с.281, 283), но известны и меньшего размера – 23x23 4,5 см (Толстов С.П., 1962, с.288). В Отраре в XII-XIII вв. наряду с прямоугольным кирпичом (20-22x10-11x3,5 см) существовал квадратный кирпич 25-27x25-27x5-7 см, но он применялся для отмостки полов (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ермакович Л.Б., 1987, с.15, 20). На других городищах Южного Казахстана зафиксированы кирпичи меньших размеров – 22x22x4-5 см (Байпаков К.М., 1986, с.139).

Большеформатный квадратный кирпич стандартов 28x28x5 см, 30-31x30-31x5 см и 35-36x35-36x5-6 см был известен в Центральной Азии как материал для мощения полов. Для сооружения стен использовали кирпич прямоугольной формы (Древнемонгольские..., 1965, с.83, 316, 347).

На Самосделке мы имеем практически все перечисленные форматы кирпичей, поэтому трудно говорить о прямом заимствовании. Возможно, обилие кирпичей различных стандартов объясняется полиэтничностью населения. Можно предположить также, что за время существования городища стандарты могли меняться, но проследить это можно только при наличии неразобранных сооружений. Постройки III периода целиком сложены из кирпичей, взятых из ранних сооружений, относящихся к различным периодам.

В некоторых наземных домах на городище Самосделка пол был заглублен относительно дневной поверхности. Несколько домов с заглубленным полом золотоордынского времени исследовано на Царевском городище (Федоров-Давыдов Г.А., 1981, рис.8; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.47), но в целом такие жилища не типичны для золотоордынских городов. Дома с заглубленным полом занимают промежуточное положение между землянками и наземными домами. По мнению Г.А.Федорова-Давыдова, в больших землянках жили рабы, а в маленьких – беднейшие полусвободные жители

городов (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.45). В усадьбе на Царевском городище заглубленные в землю дома были предназначены для слуг, возможно, бывших рабов. На Самосделке наблюдается несколько иная картина. Среди исследованных построек землянка отличается не только большими размерами, но и лучшим благоустройством. Этот комплекс богаче находками, причем многие из них (поливная керамика, стеклянные сосуды и украшения) говорят об определенном достатке ее обитателей.

Г.А.Федоров-Давыдов отмечал, что совершенно не характерным для планировки золотоордынских домов является наличие проходов, ведущих через поверхность суфы (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.75). Такие проходы через суфу встречаются в домостроительстве Отрара и на некоторых других городищах Южного Казахстана (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987, с.36, рис.15, с.46-47, рис.19-20, с.77, рис.32; Байпаков К.М., 1986, с.149, рис.61; Ерзакович Л.Б., 1983, с.83, рис.1). На нашем раскопе в трех жилищах зафиксированы проходы через суфу.

Для золотоордынских домов характерна большая суфа, занимающая основную часть помещения и очень небольшая площадь пола (Егоров В.Л., 1970, с.185; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.74). На суфе обычно могла спать целая семья. На Самосделке мы имеем довольно узкие суфы от 60 до 100 см. Площадь их не превышает площади пола. Очень невелики и каны. Если в жилых помещениях домов Селитренного городища и других нижневолжских памятников кан проходит обычно вдоль одной из стен и имеет длину до 2,5-3 м, то все каны построек III периода на Самосделке занимают только одну из половинок суфы или короткий ее отрезок. Длина их составляет 140-160 см.

На проблеме появления канов в жилищах следует остановиться особо. В.Л.Егоровым было доказано, что система отопления в виде канов была заимствована монголами у джурдженов и киданей и получила свое дальнейшее развитие в золотоордынском домостроительстве Нижнего Поволжья (Егоров В.Л., 1976, с.185-187). В Южном Казахстане и Семиречье каны были известны еще в VII-VIII и X-XI вв., (Агеева Е.И., 1962, с.148-149; Сенигова Т.Н., 1962, с.158-159; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с.69-74; Байпаков К.М., 1980, с.431; Чуйская..., 1950, с.49, табл.ХІХ; Неразик Е.Е., 1968, с.203-204). Появление канов в Средней Азии в домонгольское время исследователи связывают с тюркизацией местного населения центрально-азиатскими элементами сначала уйгурского, а затем – огузо-кипчакского происхож-

дения (Неразик Е.Е., 1972, с.64-69, Ерзакович Л.Б., 1983, с.90). С.М.Ахинжанов и Л.Б.Ерзакович высказали предположение, что в нижневолжские города Золотой Орды каны могли быть занесены кимако-кипчакским населением из Южного Казахстана и Приаралья (Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с.69). С этим мнением категорически не согласен Г.А.Федоров-Давыдов, считавший, как и В.Л.Егоров, что появление канов в Золотой Орде связано исключительно с монгольским влиянием (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.75). Нам представляется, что не следует полностью отвергать гипотезу С.М.Ахинжанова и Л.Б.Ерзаковича. Вполне возможно, что на городище Самосделка каны были принесены еще в домонгольское время огузским населением низовьев Сырдарьи. Это предположение основывается и на анализе керамики, происходящей из жилых комплексов III периода.

Таким образом, можно констатировать, что исследованные жилые постройки Самосдельского городища имеют ряд отличий от аналогичных сооружений в золотоордынских городах Нижнего Поволжья. С учетом анализа находок (об этом далее), можно предположить, что они возникли еще в домонгольское время в XII – нач. XIII в. и, возможно, продолжали существовать во 2-й пол. XIII в.

В настоящее время ведутся раскопки большого многокомнатного дома более раннего периода. Вскрыты слои X – нач. XI в., которые содержат остатки сильно разрушенных сооружений из турлука – камыша, обмазанного глиной. Об их архитектуре сказать что-либо сложно, так как они были сожжены и практически полностью уничтожены поздними ямами. В качестве строительного материала использовался и камень – ракушечник и известняк, также взятый из развалин более раннего периода. Самые ранние культурные слои городища будут изучены в ходе раскопок будущих лет.

Отдельный блок исследований Самосдельского городища составили комплексные почвенно-ландшафтные исследования, проводимые группой сотрудников и аспирантов Института географии РАН и факультета почвоведения МГУ. Долгосрочной задачей этих исследований является реконструкция жизни поселения, включающая характеристику палеоландшафтной обстановки и ее изменений, а также хозяйственной деятельности населения. Некоторые результаты исследований получены уже в настоящее время. Так, например, период возникновения и функционирования поселения (до начала XIV в.) можно отнести ко времени наиболее низкого за последнее тысячелетие уровня стояния Каспия и существенной аридизации кли-

мата в регионе. Территория памятника, расположенная в настоящее время в средней дельте Волги, в период существования поселения функционировала в режиме поймы и находилась вне сферы действия катастрофических неперидических колебаний уровня Каспия. Ландшафтно-климатические условия района исследований в период существования поселения, как и в настоящее время, наиболее благоприятствовали рыболовецко-скотоводческому типу хозяйствования. Лимитирующим фактором для развития земледелия являлась влагообеспеченность. Развитие пахотного земледелия, как и в настоящее время, было возможно только при искусственном орошении. Природные ресурсы территории допускали также развитие мелко-товарного гончарного производства, строительных ремесел на местной сырьевой базе. В XIV в. произошло резкое и быстрое повышение уровня Каспийского моря. Район городища Самосделка оказался в прибрежной зоне дельты, особенно опасной в период катастрофических нагонов. Бедствия природного характера могли послужить причиной упадка и даже гибели поселения (Turova I.V., Bronnikova M.A., Zazovskaya E.P., 2001, p.112; Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А., 2001, с.43-47). Запустение островной части городища в середине XIV в. подтверждается и археологическими данными. Еще одним важным результатом почвоведческих исследований явилась серия радиоуглеродных дат, по которым нижние слои культурного слоя можно отнести к IX-X вв.

О населении города

Город являлся центром транзитной торговли, что особенно наглядно показали его раскопки. Специфика данного памятника такова, что основным датировочным материалом и материалом, который может дать культурную интерпретацию слоя, является керамика. Представительную группу находок составляют гончарные поливные и неполивные сосуды. Это кухонная посуда (котлы, горшки) и столовая посуда (кружки, миски, блюда, крышки, кувшины, чаши и пр.) Имеется значительное количество фрагментов бракованной поливной и неполивной красноглиняной керамики, что говорит о местном ее производстве. Данная керамика довольно легко интерпретируется. На фоне хорошо выделяющегося компонента импортной керамики (в основном, поливной) – хорезмийской, закавказской, ширванской, абсолютное большинство гончарной посуды из слоев X-XII вв. составляет посуда болгарского производства – сделанная болгарскими мастерами непосредственно на

месте (рис.12; 13). Столь значительные масштабы керамического производства позволяют говорить о тесных связях Самосдельского городища с Волжской Булгарией в X-XII вв., о большом болгарском компоненте среди населения городища в тот же период и, предположительно – о болгарской торгово-ремесленной фактории, существовавшей на этом месте в X-XIII вв. Эта фактория является самым южным из известных на настоящий момент пунктом волжско-булгарской экономической и политической экспансии.

Обращает на себя внимание довольно представительная группа лепной или доведенной на гончарном круте керамики, происходящей как из культурных слоев, так и с поверхности городища. Это и кухонная и столовая посуда – горшки, котлы, сковороды, кружки, крышки горшков и тандыров (рис.13-17). Украшены сосуды довольно разнообразным орнаментом – ногтевыми и пальцевыми вдавлениями, наколами камышинкой и поллой косточкой, отпечатками зубчатого штампа, свисающими “гирляндами”, процарапанными по сырой глине рисунками-граффити. Венчики сосудов украшены защипами, пальцевыми вдавлениями, насечками. Очень разнообразны ручки сосудов – петлевидные ручки горшков, декорированные насечками, имитирующими рога барана, часто встречаются зооморфные ручки, стилизованно изображающие пасущегося барана. Нередко встречаются богато украшенные раковиннообразные ручки (так называемые “ушки”) от котлов с шаровидным туловом, витые ручки из двух или трех жгутов, ступенчатые зооморфные ручки. Кроме этого, керамика зачастую богато декорируется налепами в виде рогов барана.

К этой группе относятся в частности крупные горшки с косыми насечками или пальцевыми вдавлениями по верхнему краю. Они изготовлены из плохо промешанной глины с обильными примесями, но имеют ровный цвет черепка на изломе, т.е. здесь можно предположить горновой обжиг. Подобная форма с похожими типами орнаментации достаточно хорошо известна в керамике Среднего Поволжья, а именно в комплексах болгарского времени, где она датируется IX-X вв. (Хлебникова Т.А., 1984, с.95-98, 216-219). С.А.Плетнева неоднократно указывала, что такая форма принадлежит различным кочевым племенам хазарского каганата: болгарам, хазарам, печенегам и гузам (Плетнева С.А., 1959, с.230-237; 1967, с.104). Считается, что эта группа керамики генетически связана со степными комплексами Центрального Казахстана и Приаралья. Действительно, в так называемых позднегузских керамических комплексах

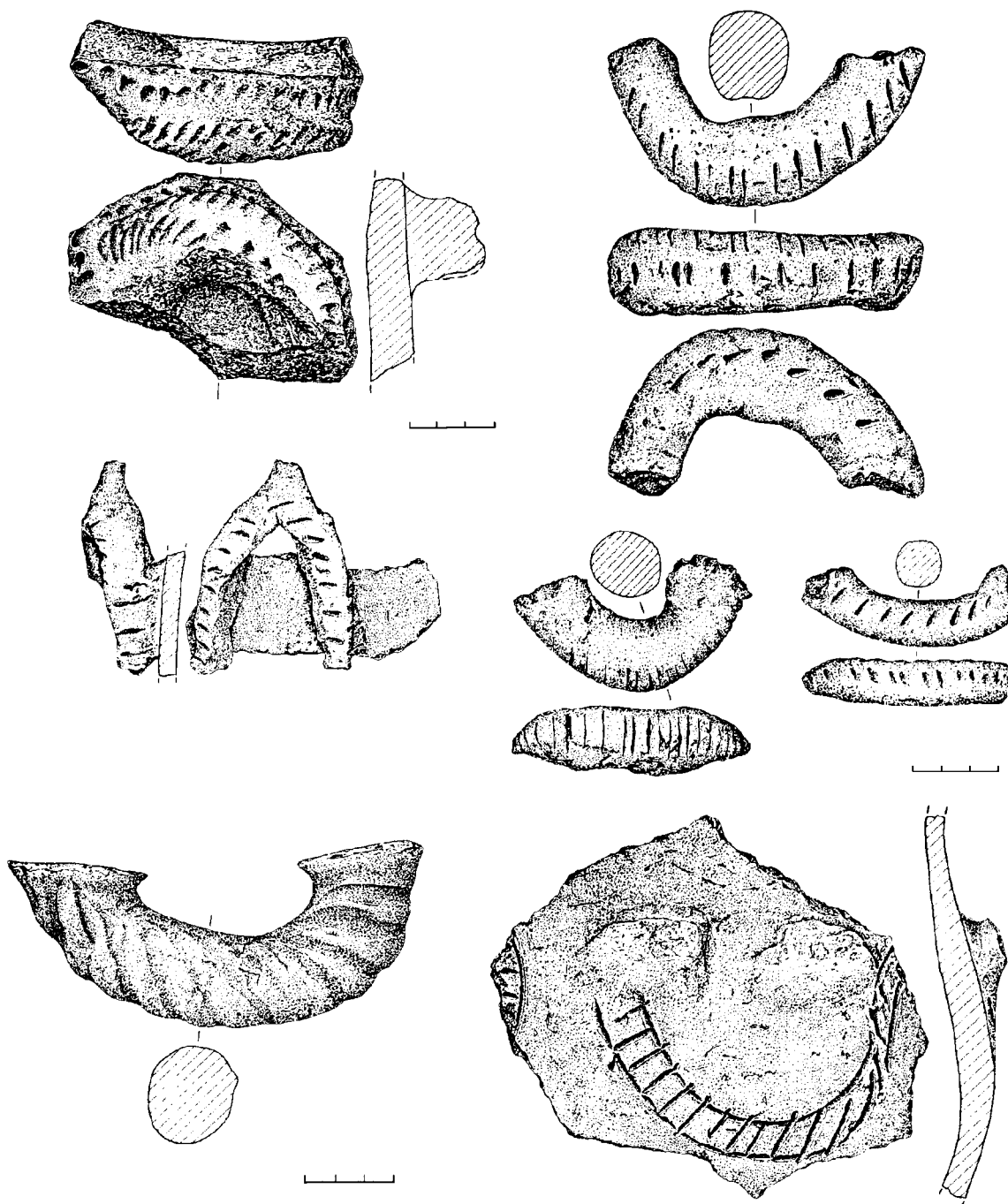

Рис. 14. Ручки лепных сосудов из раскопа № 1.
 Fig. 14. Holders of modelled vessels from dug-out 1.
 Abb. 14. Henkel der Tongefäße aus der Grabung 1.
 Dess. 14. Les anses des récipients faits à la main de la fouille № 1

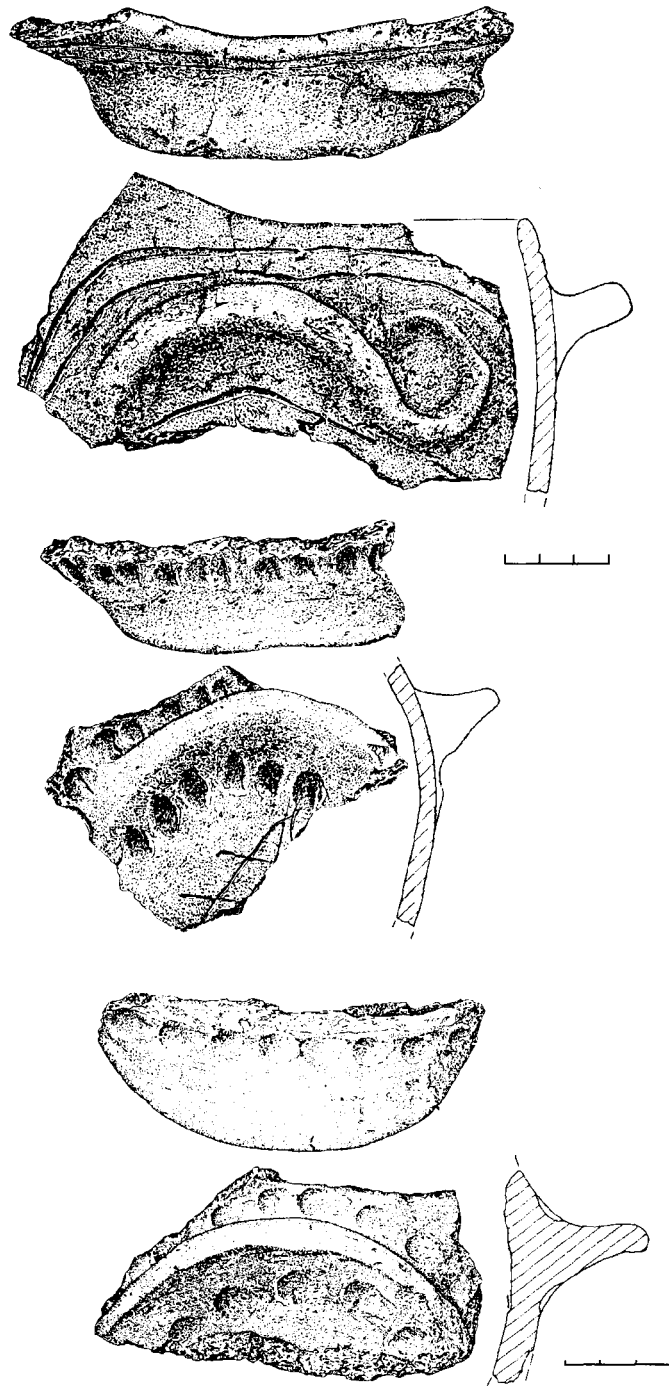

Рис. 15. Ручки лепных сосудов из раскопа № 1.
Fig. 15. Holders of modelled vessels from dug-out 1.
Abb.15. Henkel der Tongefäße aus der Grabung 1.
Dess.15. Les anses des récipients faits à la main de la fouille № 1

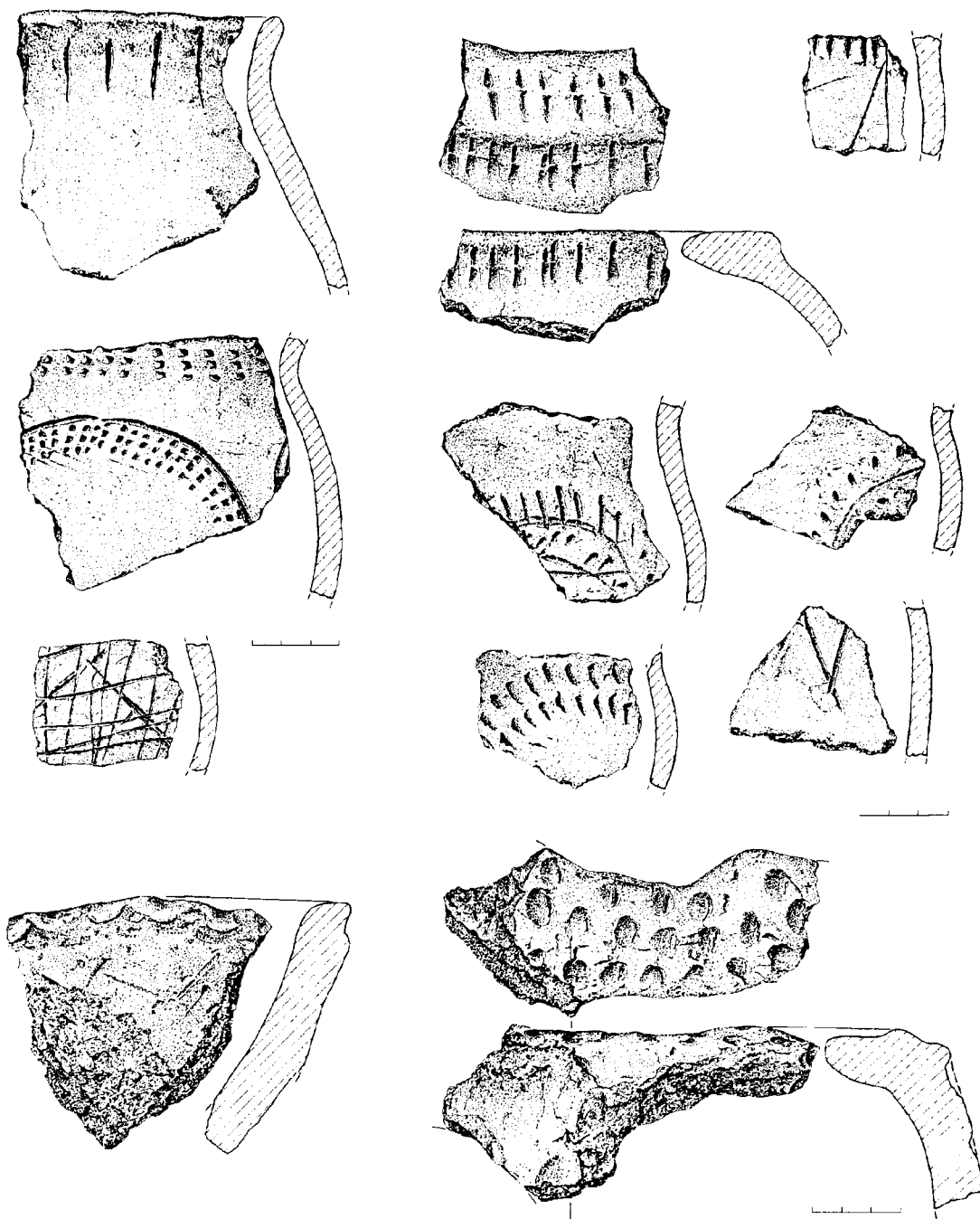

Рис. 16. Лепная керамика из раскопа № 1.
 Fig. 16. Modelled earthenware from dug-out 1.
 Abb. 16. Bosselierte Keramik aus der Grabung 1.
 Dess.16. Céramiques faites à la main de la fouille № 1

низовий Сырдарьи (городища Асанас, Кескен-куюк-кала) хорошо известны лепные горшки с широкой, слабо выделенной горловиной, по краю которой сделаны насечки или пальцевые вдавления (Толстов С.П., 1947, с.65-67; Вактурская Н.Н., 1979, с.130-131). Генетически этот тип орнамента, возможно, связан с поздними аварскими керамическими комплексами, широко представленными в низовьях Амударьи (Ток-кала) (Гудкова А.В., 1964, с.59, 66; Левина Л.М., 1971, с.65, рис.15) и в средневековых курганных могильниках Устюрта (Древняя..., 1987, с.208, 232-235).

На многих сосудах, относящихся к группе хозяйственных, отмечен налепной валик, украшенный пальцевыми вдавлениями и насечками. Чаще всего он располагался на горловине или на плечиках сосуда. Подобный декоративный элемент в Юго-Восточном Приаралье впервые появляется на позднем этапе джетыясарской культуры и впоследствии широко распространяется в керамических комплексах гузских "болотных городищ", которые датируются VIII-IX вв. (Толстов С.П., 1947, с.65-67; Гудкова А.В., 1964, с.59, 66; Вактурская Н.Н., 1979, с.130-131). В этих керамических комплексах такой налепной валик с насечками сочетается с прорезным елочным орнаментом по венчику или под ним (Левина Л.М., 1971, с.23, рис.6, 15).

К этой же категории посуды относятся плоские крышки с массивной петлевидной ручкой, часто декорированные пунсонным орнаментом. Этот вид керамических изделий также находит аналогии в Низовьях Сырдарьи и, возможно, восходит к крышкам, широко распространенным на этой территории во все периоды существования джетыясарской культуры (Левина Л.М., 1971, рис.13, 15, 16).

Широко распространены ручки лепных сосудов, небольших горшков или кружек, которые были украшены насечками или вдавлениями. Аналогичная керамика встречается на территории Сырдарьинской дельты в VII-VIII вв. (Вактурская Н.Н., 1979, с.131), на Северном Кавказе в так называемых "хазарских" комплексах (Магомедов М.Г., 1983, с.124), а также в Тьмутаракани (Плетнева С.А., 1963, с.30, рис.16).

Таким образом, как мы видим, подобного рода керамика имеет довольно широкие территориальные аналогии. В Восточной Европе мы ее можем найти, прежде всего, среди материалов подонских городищ Хазарии (в частности, в материалах Саркела), где она связывается исследователями с кочевническим компонентом населения (Плетнева С.А., 1959, с.230-242). Кроме этого, известна подобная керамика на так называемых "болотных"

городищах Янгикентской группы, обнаруженных С.П.Толстовым в низовьях Сырдарьи (Толстов С.П., 1947, с.57-67). Здесь в 1946 г Хорезмской экспедицией были обследованы городища Джанкент (Янгикент), Куюк-Кескен-кала и Большая Куюк-Кала. С.П.Толстов высказал мнение, которое продолжает бытовать и у большинства современных исследователей, о принадлежности "болотных городищ" огузам. Также отдельные формы керамики имеют прямые параллели с керамическим материалом Средней Сырдарьи (Отрар). Традиционно район Средней Сырдарьи принято считать областью, заселенной печенегами (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с.190). Оба этих мнения базируются на схожести керамического материала, обнаруженного на данных городищах, и керамикой огузо-печенежского круга из Восточной Европы.

В связи с этим хотелось бы высказать несколько предположений по вопросу расселения огузов и печенегов в Восточной Европе и в Низовьях Волги в частности. С.П.Толстов впервые обратил внимание на закономерность в расселении огузов и печенегов в Азии и Европе – на их тяготение к дельтовым и низовым районам (Толстов С.П., 1947, с.90). Иллюстрирует он это расселением огузов в низовьях Сырдарьи, в низовьях Волги, борьбой огузов и печенегов в низовьях Дона, отмечает расселение печенегов в болотистых низовьях Днепра и Дуная. Он также считает, что огузы низовой Сырдарьи вели комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовецкое хозяйство, и именно этим объясняется их стремление к подобного рода экологическим нишам. Однако Г.Н.Гарустович и В.А.Иванов, полемизируя с С.П.Толстовым, утверждают, что анализ погребального обряда огузов и печенегов прямо говорит об их кочевом образе жизни, и оставляют открытым вопрос об этнической принадлежности материальной культуры нижнесырдарьинских городищ (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.97). По их мнению, нижнесырдарьинские городища были заселены родственными между собой племенами приаральского происхождения, связанные культурными и экономическими узами с Хорезмом. Присутствие же в их среде огузов или печенегов было весьма незначительным (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.98). В.А.Иванов и Г.Н.Гарустович утверждают, что собственно огузы приходят в низовья Сырдарьи с востока лишь в нач. IX в. и с этого времени становятся соседями печенегов, а затем и вытесняют их с традиционных территорий кочевания (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.106). Оставим вопрос о происхождении населения нижнесырдарьинских городищ в

стороне. В настоящий момент, не проводя дополнительных исследований в Низовьях Сырдарьи, невозможно ответить на него со всей определенностью. Ограничимся предположением, что элементы культуры “болотных городищ” попали в Восточную Европу именно в составе культуры огузов.

В книге “Таба и ал-хайаван”, написанной ал-Марвази, придворным врачом сельджукских султанов, содержится информация, почерпнутая им из сочинений Джайхана: “...Одни из них (огузов) живут в городах, другие живут в степях и пустынях, владея палатками и юртами. Их степи граничат со страной Мавераннахра, а часть их примыкает к землям Хорезма” (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.24). Однако эти данные относятся к более позднему периоду, чем интересующий нас.

На наш взгляд, необходимо провести разделение огузского мира на кочевой и оседлый или полуседлый компоненты. Под термином “огузский мир” мы понимаем те племена и роды, которые были втянуты в процесс культурного, этнического и политического смешения в Азии и Европе в связи с миграцией огузов на Запад.

Возможно также, что огузский мир, состоявший из множества этнических компонентов, содержал и племена, имевшие в основе своего хозяйства не только кочевое скотоводство, как и предполагал С.П.Толстов. Он считал наличие комплексного скотоводческо-рыболовецко-земледельческого хозяйства не признаком оседания кочевников на землю, а пережитком предшествующих форм хозяйствования, той экономикой, на базе которой и сформировалось кочевое скотоводство, как более рентабельное в степях. Старые же формы хозяйствования сохранились лишь в экологических нишах, подобных дельте Сырдарьи (Толстов С.П., 1947, с.99).

Однако, в отличие от кочевых компонентов огузского “мира”, изученных сравнительно неплохо по курганным захоронениям, оседлый или полуседлый образ жизни огузов лишь начинает изучаться. Вполне вероятно, что инфильтрация огузов в низовья Сырдарьи и частичное вытеснение представителей джеты-асарской культуры с занимаемых территорий началось раньше – в VIII в., причем эти процессы наложились на начало экологической катастрофы – усыхание Сырдарьи – приведшей к исчезновению части “болотных городищ”. Часть населения этих городищ уходит в Хорезм (Кердер) (Гудкова А.В., 1964, с.140), а затем – дальше на Запад, часть остается на местах, подчинившись огузам. Низовья Сырдарьи становятся центром племенного огузского объединения. Поэтому, не зная достоверно, были ли люди, ушед-

шие с “болотных городищ” на запад, действительно огузами, но, зная о близости их контактов с огузами, близости огузской и джетыасарской материальных культур, мы условно будем именовать их оседлыми или полуседлыми огузами.

В связи с этим нами было выдвинуто предположение о возможности выделения в составе населения городища огузского компонента (Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д., 2003, с.134; Vasil'ev, 2003, p.29). Дело в том, что в настоящий момент мы не можем разделить огузскую и печенежскую керамику, поскольку и та, и другая изучены довольно слабо. Мы можем лишь предположить, что огузская керамика – это керамика, частично заимствованная кочевыми огузами у оседлых или полуседлых представителей джеты-асарской культуры, составивших основу населения нижнесырдарьинских городищ и развивавшаяся в результате смешения джетыасарской и общетюркской керамических традиций. Корни керамического комплекса печенежских племен, несомненно, очень близкого огузскому, следует искать на Средней Сырдарье, где он развивался также на основе смешения тюркских кочевнических и местных оседлых или полуседлых традиций керамического производства.

Существует интересное мнение, что именно огузо-печенеги составляли гарнизон города-крепости Саркел, защищавшей западные рубежи Хазарского каганата (Артамонов М.А., 2001, с.414, 419, 423-424). Из письма хазарского царя Иосифа министру эмира Кордовы Хасдау ибн Шафруту известно о том, что его охраняет гвардия из хорезмийцев-мусульман. Уже упоминавшийся нами ал-Марвази сообщает: “Когда они (огузы) стали соседями мусульманских стран, часть из них приняла ислам. Они стали называться туркменами” (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.24). В связи с этим можно сделать предположение об огузской принадлежности так называемых ал-арсийа – гвардейцев хазарского царя. Это предположение объясняет пути проникновения огузов в дельту Волги в X веке. Оговоримся, однако, что М.А.Артамонов считал, что вопрос о происхождении ал-арсийа недостаточно разработан и соотносил этот этноним с аорсами (Артамонов М.А., 2001, с.553-555), не отрицая, однако, возможности найма хазарами на службу и кочевников-тюрков.

В связи с этим немаловажно будет упомянуть об одной находке прошлых лет. В 1999 г. нами было исследовано одно очень интересное захоронение в составе грунтового могильника городища X-XI вв. Мошаик на восточной окраине г.Астрахань. Это было мусульманское погребение с типич-

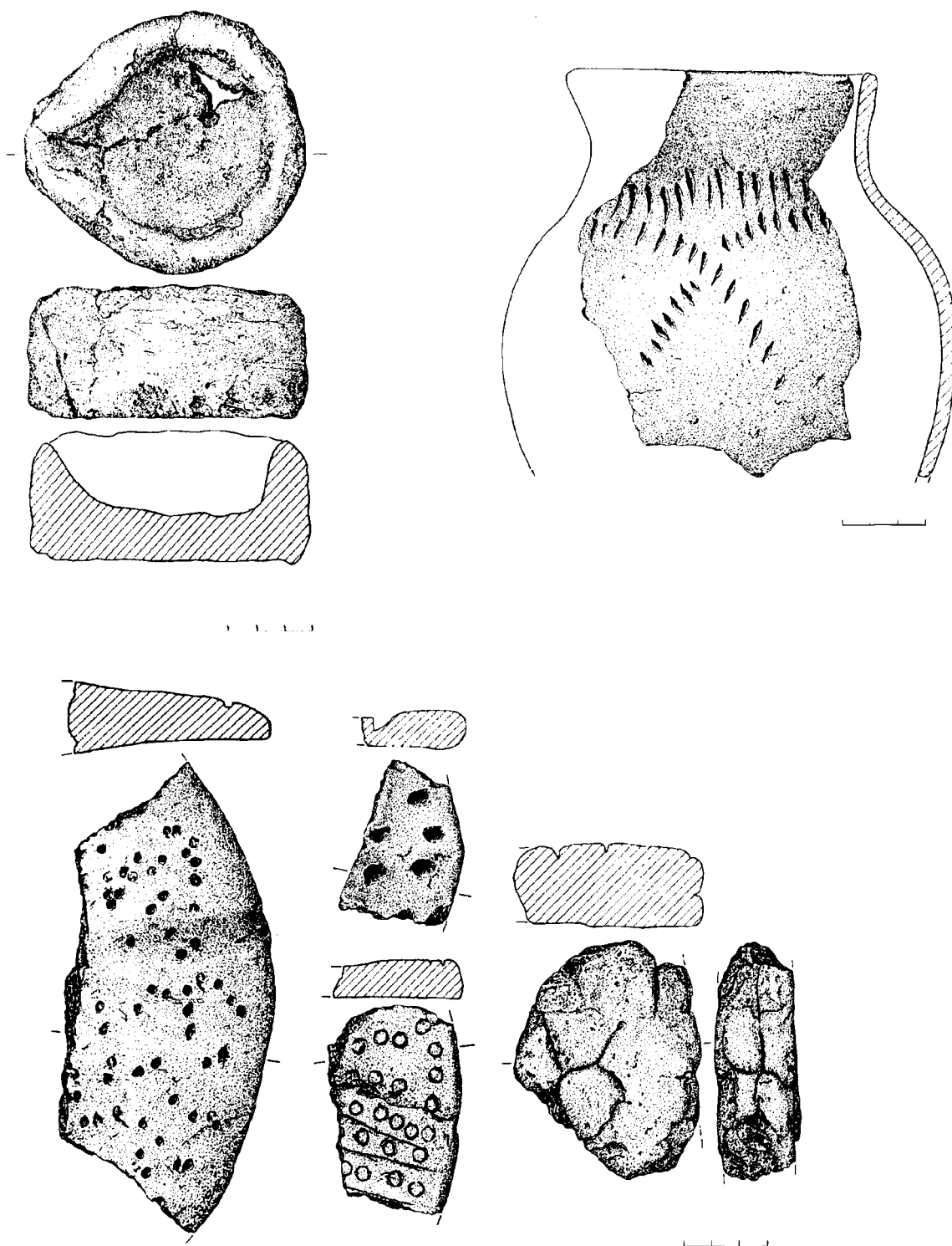

Рис. 17. Лепная керамика из раскопа № 1.
 Fig. 17. Modelled earthenware from dug-out 1.
 Abb. 17. Bosselierte Keramik aus der Grabung 1.
 Dess. 17. Céramiques faites à la main de la fouille № 1

Рис. 18. Раскоп № 1, общий вид с на уровне III штыка.
Fig. 18. Dug-out 1, the general layout at the IIIrd spade's depth.
Abb. 18. Grabung 1. Gesamtansicht in der Ebene des 3. Spatenstichs.
Dess. 18. Fouille № 1, plan general au niveau de III pelle

Рис. 19. Сооружение № 1, вид с севера.
Fig. 19. Structure 1, the northern view.
Abb. 19. Bauwerk 1, Ansicht vom Norden.
Dess. 19. Construction № 1, vue du Nord

Рис. 20. Землянка № 1, вид с юга.

Fig. 20. Dug-out 1, the southern view.

Abb. 20. Erdhutte 1, Ansicht vom Süden.

Dess. 20. La hutte № 1, vue du Sud

Рис. 21. Землянка № 1, сооружения у восточной стены.

Fig. 21. Dug-out 1, the structures at the eastern wall.

Abb. 21. Erdhutte 1, Bauwerke am Ostwall.

Dess. 21. La hutte № 1, éléments près du mur d'Est

Рис. 22. Землянка № 1, сооружения VII строительного периода.

Fig. 22. Dug-out 1, the structures of the 7th construction period.

Abb. 22. Erdhütte 1, Bauwerke der 7. Bauperiode.

Dess. 22. La hutte № 1, éléments de la phase VII de construction

но огузским сосудом, причем находилось оно в окружении захоронений хазарского периода. Это позволило нам предположительно интерпретировать памятник как могильник огузского поселения, возникшего либо на последнем этапе существования Хазарского каганата, либо сразу после его падения (Васильев Д.В., 2001, с.48-54).

Известно, огузы и хазары смогли найти общий язык и составить союз против печенегов, зажав бежавшие из Приаралья печенежские орды в клещи с запада и востока (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.107), поэтому понятно, от кого, прежде всего, могли охранять дельту Волги огузы. Эти люди влились в общий “котёл”, в котором происходило образование народов, населявших Низовья Волги в древности. Они закрепляли за собой определенную территорию и начинали жить так, как жили веками – занимаясь скотоводством на дельтовых и пойменных лугах, ограниченных реками, но богатых травами, которые, к тому же, можно было запастись на зиму. Вполне вероятно, что среди них в данных условиях ускорился процесс оседания на землю. Мы можем связать огузский компонент населения городищ Самосделка и Мошаик именно с этими наемниками-огузами. И почти наверняка существует еще множество до сих

пор не обнаруженных стоянок огузов, расположенных по берегам рек и прикрывавших хазарскую столицу с севера и востока.

Почему же именно огузы, и почему не кочевые, а полуоседлые? Ведь присутствие огузов на Нижней Волге давно и хорошо проиллюстрировано многочисленными курганными захоронениями – как на левом берегу, в Заволжье, так и на правом. В.А.Иванов и Г.Н.Гарустович даже выдвинули предположение, что огузы смогли создать на правом берегу Волги своеобразный плацдарм еще в хазарское время и совершали набеги на столичные регионы Хазарии (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.107-108). Но, во-первых, в условиях дельты и поймы Волги невозможно вести полностью кочевое хозяйство с круглогодичным кочеванием. На примере материалов городища Самосделка мы можем говорить о том, что имеем дело не с кочевым, а именно с полукочевым населением, материальная культура которого очень близка культуре населения “болотных городищ” Нижней Сырдарьи. Во-вторых, нам известно, что многие так называемые “болотные городища” огузов Нижней Сырдарьи прекращают существование примерно в VIII в. в связи с усыханием русел Сырдарьи, на которых они располагались. В результате этой эко-

логической катастрофы огузы переселяются южнее и западнее – в Северный Хорезм, на Устюрт. Возможно, в связи с этим они были вынуждены искать новые места обитания в регионах со схожими природно-климатическими условиями, одним из которых и явилась дельта Волги.

Итак, предположим, что на последнем этапе существования Хазарского каганата Самосдельское городище частично заселяется огузами – “федератами”, которые несли службу у хазарского царя и защищали восточную границу государства от набегов печенегов. После того, как каганат пал, огузы продолжают населять город, но он, скорее всего, становится сезонным – уменьшается летом и увеличивается зимой за счет кибиток кочевников, подкочевывавших к городу.

Город, разросшийся и ставший более благоустроенным к XI в., как это видно из результатов раскопок, можно предположительно соотнести с легендарным Саксином, о котором упоминает средневековый путешественник, купец и писатель Абу Хамид ал-Гарнати, называя его городом гузов (Ал-Гарнати..., 2000, с.98-99).

О наличии огузского компонента в составе населения Самосдельского городища в X-XII вв. мы уже упоминали. Есть довольно веские основания полагать, как пишет Г.А.Федоров-Давыдов со ссылкой на мнения М.И.Артамонова, Ф.Вестберга и Б.Н.Заходера, что Саксин – это часть восстановленного Итиля, последней столицы Хазарии. Сведения ал-Гарнати косвенно подтверждают эту точку зрения (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.208). Но был ли это город в полном смысле этого слова? Может быть, это было зимнее убежище кочевников типа половецких “городов” Сугрова, Баина или Шарукани? Ал-Гарнати сообщает, что в городе Саксин (Саджсин) “существует сорок племен гузов, каждое из которых обладает собственным эмиром. У них большие жилища; в каждом жилище громадная палатка, вмещающая сотню человек и укрытая войлоком”. Тот же ал-Гарнати упоминает среди населения города еще и болгар, сувар, хазар (вероятно, остатки населения, сохранившегося со времен Хазарского каганата). Причем, каждое из этих племен имело свою соборную мечеть и свой квартал (Ал-Гарнати..., 2000, с.98-99). Кроме того, путешественник упоминает о “тысячах” купцов из Магриба и из других стран, которых он видел в Саксине, что говорит о значительных торговых связях Саксина и об их интенсивности. Да и сам ал-Гарнати, будучи купцом, приехал в Саксин по торговой надобности. По материалам раскопок последних лет мы можем с уверенностью сказать, что именно огузский и болгарский

компоненты составляли основу населения Самосдельского городища X-XII вв., что делает еще более вероятной локализацию Саксина именно на месте Самосдельского городища.

Г.А.Федоров-Давыдов убедительно доказал местоположение Саксина на Нижней Волге, проанализировав многочисленные свидетельства восточных источников о городе и одноименной области (Федоров-Давыдов Г.А., 1969, с.253-261). Однако он считал, что город Саксин перестал существовать задолго до монгольского нашествия, еще в XII в., передав лишь свое имя локальной группе половцев, кочевавших в Нижнем Поволжье (Федоров-Давыдов Г.А., 1969, с.260). Вопрос о локальной группе половцев, которую Г.А.Федоров-Давыдов выделил для Нижнего Поволжья и о характере хозяйства населения Нижней Волги в предмонгольское время требует отдельного тщательного исследования.

Наряду со свидетельствами восточных авторов об области “Саксин”, Г.А.Федоров-Давыдов рассматривает сообщения русских и венгерских источников, которые знают народ “саксин” (Федоров-Давыдов Г.А., 1969, с.260).

Вопрос о локализации Саксина М.И.Артамонов связывал с локализацией последней хазарской столицы, поскольку он тоже придерживался мнения о том, что Саксин – это восстановленный квартал Итиля (Артамонов М.А., 2001, с.609). Хазарскую столицу М.И.Артамонов предлагал искать в районе современного с.Селитренного на левом берегу Ахтубы в Астраханской обл. (Артамонов М.А., 2001, с.519-562). Предполагаемое расположение города в окрестностях золотоордынского Селитренного городища позволяло связать в единую логическую схему преемственности столицы двух крупнейших степных государств. Г.А.Федоров-Давыдов отметил, что подобная традиция отождествления Саксина с Сараем впервые появилась в арабской литературе XIV-XV вв. Многие исследователи XX в. были убеждены, что Сарай был построен рядом с Саксином или на его месте (Федоров-Давыдов Г.А., 1969, с.261). Эта версия вполне согласуется со свидетельством Рубрука о городе Суммеркенте, который располагался близ Сарая на Итиле и был окружен водой. Г.А.Федоров-Давыдов писал, что “эти свидетельства порождают представления о единой линии преемственности хазарского Итиля – гузского Саксина – золотоордынского Сарая” (Федоров-Давыдов Г.А., 1969, с.261). Однако, он тут же оговаривается, что до сих пор в районе Селитренного городища не найдено никаких свидетельств существования более древнего города, чем золотоордынская столица.

Единственным аргументом против этого может быть находка Л.Н.Гумилевым фрагментов ке-

рамики хазарского времени в Волго-Ахтубинской пойме напротив Селитренного (Гумилев Л.Н., 2001, с.58-59). Однако попытки автора отождествить местонахождение небольшого количества разрозненной керамики с остатками “смытого рекой” города выглядят довольно несерьезно.

А.В.Шевченко, рассматривая некоторые особенности краниологических характеристик серии черепов с грунтового могильника “Хан-Тюбе” в Астраханской обл., обратил внимание на несхожесть показателей этих черепов, относившихся по мнению автора раскопок, Е.В.Шнайдштейн, к XIV в., с показателями половецких черепов (Шевченко А.В., 1980, с.139). Зато прослеживалось сходство с черепами из захоронений на Зливкинском могильнике и особенно – на могильнике хазарского Саркела (Шевченко А.В., 1980, с.159). На основании этого А.В.Шевченко предлагает передатировать могильник более ранним временем и предполагает, что антропологические характеристики и некоторые черты погребального обряда, отличающиеся от типично золотоордынских и мусульманских, сохранились с хазарских времен у населения города Саксин, остатки которого должны располагаться где-то неподалеку (Шевченко А.В., 1980, с.167). При этом он также оспаривает мнение М.И.Артамонова о локализации Итиля в районе Селитренного городища, указывая на то, что расстояния между хазарскими городами, указанные в арабских источниках в днях пути, не поддаются исчислению в абсолютных цифрах, поскольку “день пути” – мера весьма субъективная, но в любом случае, локализация Итиля (и Саксина) в районе Селитренного добавляет к расстоянию, например от Семендера (в районе нынешнего Кизляра) как минимум лишние 3-4 дня пути (150-180 км) по сравнению с локализацией хазарской столицы в дельте Волги (Шевченко А.В., 1980, с.166-168). Остается добавить, что между интересующим нас Самосдельским городищем и могильником Хан-Тюбе расстояние около 20 км и оба этих памятника располагаются в дельте Волги.

Учитывая тот факт, что в дельте Волги существует, по крайней мере, еще одно поселение, возникшее в предмонгольское (или позднехазарское) время – а именно городище Мошаик – мы можем присоединиться к мнению А.В.Шевченко в том, что в дельте Волги в предмонгольское время существовало оседлое население, отличавшееся самобытностью верований и погребального обряда. Некоторые черты оседлости с домонгольского времени прослеживаются в языческих погребениях грунтового могильника “Маячный бугор” недалеко от райцентра Красный Яр, на северо-восточной

границе дельты Волги (Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., 2000, с.22). Здесь была выявлена группа погребений, датированных по монетам кон.XIII – нач.XIV в. и отличавшихся “неполовецкими” и немусульманскими чертами (южная ориентировка, наличие погребального инвентаря, при этом практически полное отсутствие оружия, сбруи, наличие семян культурных растений и т.д.)

Именно здесь, на наш взгляд, начинается формирование материальной культуры саксин, четко отделяемых русскими летописями от половцев, которая, кстати, до сих пор еще не выделена в археологических исследованиях. Она формировалась, судя по всему, на основе огузской и болгарской материальных культур. Это обстоятельство противоречит мнению Г.А.Федорова-Давыдова о распространении наименования “саксин” именно на какую-то группу половецкой общности. Огузы, населявшие Самосдельское городище в большинстве, судя по анализу пищевых остатков (костей животных, рыб и птиц) вели хозяйство, базировавшееся на придомном скотоводстве, рыболовстве и частично – охоте. Из злаков культивировалось, судя по всему, лишь просо – традиционная культура, характерная для всех кочевых и полукочевых народов.

Эти обстоятельства подтверждают мнение С.П.Толстова о комплексном земледельческо-скотоводческо-рыболовецком хозяйстве полуоседлых огузов. Булгары Самосдельского городища, видимо, выполняли роль поставщиков ремесленных товаров и организаторов торговли. Даже если город, как пишет ал-Гарнати, находился под политическим господством огузов, то значение болгарской материальной культуры было весьма велико.

По материалам из слоев XII-XIII вв. и раннезолотоордынского времени видно, что на позднем этапе существования городища прослеживается тенденция слияния двух керамических традиций – огузской и болгарской: болгарская в целом керамика приобретает некоторые черты, для нее не характерные – формы, орнаментацию – заимствованные из культуры огузов.

Заключение

Подведем некоторые итоги. На основании вышесказанного, можно предположить наличие в Восточной Европе не только кочевого, но и оседлого или полуоседлого компонента в составе многоплеменного огузского мира. Мы считаем, что население дельты Волги в домонгольский период сформировалось во многом благодаря наличию такого полуоседлого компонента, образовавшегося в ре-

зультате прихода в Нижнее Поволжье части огузов с низовой Сырдарьи в IX-X вв. В частности, материалы Самосдельского городища подтверждают предположение С.П.Толстова о комплексном земледельческо-скотоводческо-рыболовецком хозяйстве полуседлых огузов. Мы также выдвигаем предположение об идентификации города, располагавшегося на месте Самосдельского городища в XI-XIII вв. с городом Саксин, центром одноименной области, городом, населенным огузами и булгарами, которые четко дифференцируются по элементам материальной культуры. На последнем этапе существования города наблюдаются процессы взаимопроникновения двух культур, которые были прерваны монгольским нашествием.

В XIII в. город захватывается монголами и разрушается. Здесь уместно вспомнить слова Рубрука о городе Суммеркенте в дельте Волги: “При среднем рукаве (Волги) находится город по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда вода разливается, город окружается водой. Раньше, чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Саррацины” (Путешествия..., 1957, с.185). В золотоордынское время площадь поселения на территории городища значительно сокращается (Гречкина Т.Ю., Ва-

сильев Д.В., 2001а, с.43). Низовья Волги в XIII в. становятся столичным регионом нового государства – Золотой Орды, здесь возводятся новые величественные и многолюдные города, с которыми старый торговый центр не мог уже конкурировать.

Вероятно также, что сокращение площади поселения произошло вследствие подъема уровня воды в Волге. В 30 гг. XIV в. произошло резкое и быстрое повышение уровня Каспийского моря, которое могло послужить причиной упадка поселения (Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А., 2001, с.47). Самые поздние золотоордынские монеты в островной части городища относятся к нач. XIV в. Возможно именно в это время жизнь в городе замирает, а в его левобережной части, где была обнаружена монета хана Кильдибека, население оставалось до периода “Великой замятни”, до 1360 гг. Как писал в XIV в. З.Казвини: “Саксин в настоящее время затоплен; от него не осталось и следов, но вблизи существует теперь другой город – Сарай Берке – столица государя этой страны” (Федоров-Давыдов Г.А., 1969, с.261).

Впрочем, подробная периодизация жизни города Саксин, выявление периодов его упадка и расцвета – дело будущего.

Литература и архивные материалы

- Агеева Е.И., 1962. Памятники Средневековья (раскопки на городище Баба-Ата)// Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ермакович Л.Б., 1972. Древний Отрар. Алма-Ата.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ермакович Л.Б., 1987. Отрар в XIII-XV веках. Алма-Ата.
- Ал-Гарнати о гузах, печенегах, хазарах и булгарах, 2000// Из глубины столетий. Казань.
- Артамонов М.И., 1958. Саркел – Белая Вежа// МИА. № 62.
- Артамонов М.А., 2001. История хазар. СПб.
- Атагарриев Е., 1965. О некоторых средневековых украшениях из Шехр-Ислама// Известия АН ТССР, серия общественных наук. № 1. Ашхабад.
- Ахинжанов С.М., Ермакович Л.Б., 1972. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье. Известия АН КазССР. Вып.2.
- Байпаков К.М., 1981. раскопки городища Куйрук-тобе, 1981// АО 1980.
- Байпаков К.М., 1986. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата.
- Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А., 2001. Городище “Самосделка”: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований// Материалы Всероссийской научно-практической конференции Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.
- Вактурская Н.Н., 1979. Новые данные о городище Асанас// Этнография и археология Средней Азии. М.
- Васильев Д.В., 1998. Памятник “Самосдельское городище”// Вопросы краеведения. Материалы VI и VII краеведческих чтений, посвященных 50-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вып.4-5. Волгоград.
- Васильев Д.В., 2001. Новые исследования на городище Мошаик// Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань.
- Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., 2000. Предварительные итоги изучения памятников домонгольского времени в дельте Волги// Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара.
- Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д., 2003. Исследования на Самосдельском городище (к

вопросу об огузских древностях в дельте Волги// Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем ранней истории народов региона. Йошкар-Ола.

- Воронина В.Л.**, 1952. Строительная техника древнего Хорезма// Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т.1. М.
- Воронина В.Л.**, 1953. Древняя строительная техника Средней Азии// Архитектурное наследие. Вып.3.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.**, 2001. Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа.
- Государственный архив Астраханской области.** Ф.37, оп.1, д.34.
- Государственный архив Астраханской области.** Ф.194, оп.1, д.3113.
- Государственный архив Астраханской области.** Ф.194, оп.1, д.1.
- Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В.**, 2001. Предварительная хронология существования Самосдельского городища// XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. международной научной конференции. Оренбург.
- Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В.**, 2001а. Предварительные итоги исследований на Самосдельском городище в дельте Волги// Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань.
- Гудкова А.В.**, 1964. Ток-кала. Ташкент.
- Гумилев Л.Н.**, 2001. Открытие Хазарии. М.
- Давидович Е.А., Литвинский Б.А.**, 1956. Археологический очерк Исфаринского района// Труды АН ТаджССР. Т. XXXI. Душанбе.
- Древнемонгольские города**, 1965. М.
- Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта**, 1978. Ташкент.
- Дресвянская Г.Я.**, 1969. Бусы с городищ Старого Мерва// Труды ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад.
- Егоров В.Л.**, 1970. Жилища Нового Сарая// Поволжье в Средние века. М.
- Егоров В.Л.**, 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
- Ерзакович Л.Б.**, 1983. Жилища Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв.// Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.
- Котеньков С.А.**, 1991. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1990 году// Архив ИА РАН, Р-1, №№ 15862, 15863, 15864, 15865, 15866.
- Котеньков С.А.**, 1992. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1991 году// Архив ИА РАН, Р-1, №№ 16126, 16127.
- Котеньков С.А.**, 1993. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1992 году// Архив ИА РАН, Р-1, №№ 17671, 17672.
- Котеньков С.А.**, 1994. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1993 году// Архив ИА РАН, Р-1, №№ 18242, 18243.
- Котеньков С.А.**, 1995. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1994 году// Архив ИА РАН, Р-1, №№ 18867, 18868.
- Котеньков С.А.**, 1996. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1995 году// Архив ИА РАН, Р-1, № 18164.
- Левина Л.М.**, 1971. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э.// Труды Хорезмской экспедиции. М.
- Магомедов М.Г.**, 1983. Образование Хазарского каганата. М.
- Минкевич-Мустафаева Н.В.**, 1965. Раскопки ремесленного квартала на юго-западной окраине Байлакана в 1956-58 гг.// МИА. № 133.
- Неразик Е.Е.**, 1976. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). М.
- Неразик Е.Е.**, 1968. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья// История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Плетнева С.А.**, 1959. Керамика Саркела – Белой Вежи// МИА. № 75.
- Плетнева С.А.**, 1963. Средневековая керамика Таманского городища// Керамика и стекло древней Тьмутаракани. М.
- Плетнева С.А.**, 1967. От кочевий к городам// МИА. № 142.
- Путешествия в Восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука**, 1957. М.
- Раппопорт П.А.**, 1959. Крепостные сооружения Саркела// МИА. № 75.
- Савченко Е.И.**, 1993. Отчет о работах Северокавказской экспедиции в 1992 году// Архив ИА РАН, Р-1, №№ 17943, 17944.
- Сенигова Т.Н.**, 1962. Шахристан// Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата.
- Смирнов А.П.**, 1941. Сувар// Труды ГИМ. Вып. 16. М.
- Смирнов А.П.**, 1976. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле волжских болгар// Сред-

- невековые памятники Поволжья. М.
- Толстов С.П., 1947. Города гузов// СЭ. № 3.
- Толстов С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1969. Город и область Саксин в XII-XIV вв.// МИА. № 169.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище// Вестник московского ун-та. История. № 1.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Флёров В.С., 2001. "Семикаракоры" – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону// СА. № 2.
- Фоменко В.П., 1965. Раскопки мавзолея и некрополя близ городища Орен-Кала в 1958 г.// МИА. № 133. М.; Л.
- Халиков А.Х., 1979. Кирпичное здание на XVII раскопе// Новое в археологии Поволжья. Казань.
- Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. М.
- Чуйская долина, 1950. Труды Семиреченской археологической экспедиции// МИА. 14.
- Шевченко А.В., 1980. Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (По краниологическим материалам из могильника Хан-Тюбе)// Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.
- Turova I.V., Bronnikova M.A., Zazovskaya E.P., 2001. A settlement in the delta of Volga river: preliminary results of environmental study// 7th Annual Meeting European Association of Archaeologists. Final Programme and Abstracts. Esslingen.
- Vasil'ev D., 2003. Preliminary results of researches on Samosdelskoye site in connection with oguz problem// European Association of Archaeologists. 9th annual meeting. Final program and abstracts. S.-Petersburg.

Summary

D.V. Vasilyev, T. Yu. Grechkina, E.D. Zilivinskaya (Astrakhan, Moscow, Russia)

Samosdelka Settlement: the Monument of the Pre-Mongol Period in the Lower Reaches of the Volga

Samosdelka settlement situated in the Astrakhan province in the Volga estuary has been known as the Golden Horde memorial. It was only in the 1990s when the evidence referring to earlier periods was revealed. Recent studies (2000-2003) have permitted to discover the structures dating back to the XI-XIII c. Among them there are several one-room houses with the heating system in the form of kang running inside benches and a dug-out with brick-lined walls. The major bulk of the finds is constituted by ceramic items, which can be divided into two big groups. They are Bulgaria-made pottery pieces and modelled earthenware items similar to those found in the Khazar ancient settlements situated along the Don where they are attributed to the nomadic component of the population. Besides, the earthenware of this type was found in the so-called "marsh" settlements discovered by S.P. Tolstov in the lower reaches of the Syr-Darya.

On the basis of the analysis of the finds discovered in Samosdelka settlement and in some other monuments it can be concluded that formation of the Volga estuary population within the pre-Mongol period was largely influenced by the Oguz component from the lower reaches of the Syr-Darya in the IX-X c. The identity of the town situated on the site of Samosdelka settlement in XI-XIII c. with the town of Saxin, the centre of the province of the same name populated by the Oguz and the Bulgar, can be assumed.

D.V. Vassiljev, T. Ju. Grečkina, E.D. Zilivinskaja (Astrachan, Moskau, Russland)

Burgwall Samosdelka – Baudenkmal aus der vormongolischen Zeit am unteren Wolgalauf

Der Burgwall Samosdelka, der im Gebiet Astrachan im Wolga-Delta liegt, galt als Baudenkmal aus der Zeit der Goldenen Horde. Erst in den 1990er Jahren wurden Materialien entdeckt, die sich auf frühere Zeiten beziehen. Im Rahmen der jüngsten Forschungen wurden in den Jahren 2000 bis 2003 Bauwerke ausgegraben, die aus dem 11. bis 13. Jh. stammen. Darunter sind einige Einzimmerhäuser mit dem Heizungssystem in der Form von Kanen (Heizluftkanälen), die in den Sufen (Ofenbänken) angelegt sind, und die Erdhütte mit den Wänden, die mit

Ziegelstein verkleidet sind. Unter den Funden ist die Keramik überwiegend. Sie lässt die sich in 2 große Gruppen einteilen: bulgarisches Tongeschirr und bosselierte Keramik, deren Analoga unter den Gegenständen der Don-Burgwälle Chasariens vorhanden sind, wo sie von den Forschern mit der Nomadenkomponente in Verbindung gebracht wird. Darüber hinaus ist die derartige Keramik in den sogenannten "Sumpf"-Burgwällen feststellbar, die S.P. Tolstoj am unteren Lauf der Syr-Darja entdeckt hat.

Aufgrund der Analyse der Funde im Samosdelka-Burgwall und in manchen anderen Baudenkmalern kann man schlussfolgern, dass die Ogusen-Komponente, die im 9. und 10. Jh. von den unteren Syr-Darja-Gebieten zugezogen war, die Bevölkerung des Wolga-Deltas wesentlich beeinflusste. Man könnte auch annehmen, dass die im 11. bis 13. Jh. an Stelle des Samosdelka-Burgwalls gelegene Stadt mit der Stadt Saksin, Hauptstadt der gleichnamigen Gegend, zu identifizieren ist, die von Ogusen und Bulgaren bevölkert war.

D.V.Vasiliev, T.Û.Grečkina, E.D.Zilivinskaâ (Astrakhan, Moscou, Russie)

Le site de Samosdelka situé dans le courant bas de la Volga – monument de la période pré-mongole

Le site de Samosdelka, situé dans le delta de la Volga de l'oblast' d'Astrakhan, n'était connu que comme monument de l'époque de la Horde d'Or. Ce n'est que dans les années 1990 qu'avaient été découverts les matériaux ayant rapport aux époques antérieures. Les recherches de ces dernières années (2000-2003) ont permis de découvrir des constructions datant des XI-XIII siècles. Parmi ces dernières on trouve quelques maisons à une pièce disposant d'un système de chauffage sous forme d'espaces vides à l'intérieur des soufs, et une hutte en terre possédant des murs recouverts de briques. Le butin essentiel est représenté par les céramiques qu'on peut diviser en deux grands groupes. Ce sont des spécimens de poterie de production bulgare et des vaisselles faites à la main dont on trouve des analogues dans des fouilles provenant des sites de Khazarie des rivages du Don où leur présence est expliquée par le caractère nomade d'une partie de la population. On trouve de pareilles céramiques sur des sites dits "de marécages" découverts par S.P.Tolstoï dans le courant bas du fleuve Syrdaria.

L'analyse des matériaux du site de Samosdelka et quelques autres monuments permet d'avancer une hypothèse de l'influence importante de l'élément oguz sur la formation de la population du delta de la Volga dans la période pré-mongole. On peut également avancer une hypothèse d'identification du site ancien avec la ville de Saksin, chef-lieu de l'oblast' portant le même nom et qui est peuplée par les oguz et les bulgares.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2003 г.